

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ТОМЪ XXV. 1889

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1889

В Ъ С Т И

ИЗЪ ЭКСПЕДИЦІЙ ВЪ ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗІЮ.

І. ТИБЕТСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ.

Отъ начальника экспедиціи, дѣйствительнаго члена И. Р. Г. О. полковника Михаила Васильевича Пѣвцова, въ военно-ученомъ комитетѣ Главнаго Штаба получены о ходѣ экспедиціи два рапорта: одинъ съ урочища Якъ-худукъ, лежащаго въ Яркендскомъ округѣ къ сѣверо-западу отъ укрѣпленія Мараль-баши, (между Аксу) и Яркендомъ) отъ 14 іюня; другой изъ города Яркенда отъ 7 іюля. Въ этихъ рапортахъ вкратцѣ излагаются маршруты и результаты экспедиціи на пути отъ Пржевальска до Яркенда. Копія съ этихъ рапортовъ, любезно сообщенныя Императорскому Русскому Географическому Обществу управляющимъ дѣлами военно-ученаго комитета, Генеральнаго Штаба генералъ-лейтенантомъ Ѳ. А. Фельдманомъ, д. чл. И. Р. Г. О., въ настоящую минуту не представляютъ болѣе интереса въ виду полученныхъ на дняхъ Ѳ. А. Фельдманомъ и предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи Географіи Физической И. В. Мушкетовымъ частныхъ писемъ отъ двухъ участниковъ экспедиціи: — д. чл. И. Р. Г. О. Всеволода Ивановича Роборовскаго, бывшаго спутникомъ Николая Михайловича Пржевальскаго въ трехъ его экспедиціяхъ въ Центральную Азію—въ Лобъ-норской, въ первой, а равно и въ послѣдней Тибетской и геолога экспедиціи д. чл. И. Р. Г. О. Карла Ивановича Богдановича.

Письма эти, предупредительно сообщенныя генераломъ Фельдманомъ и профессоромъ Мушкетовымъ, слѣдующія:

А. Его Превосходительству О. А. Фельдману
отъ В. Роборовскаго.

Горы къ югу отъ Яркендскаго оазиса. 4 августа 1889 г.

3-го іюля мы прибыли въ городъ Яркендъ. Но, прежде чѣмъ заняться разсказомъ объ Яркендѣ, считаю не лишнимъ описать нашъ путь до этого города со дня выхода нашего изъ г. Пржевальска.

13-го мая нашъ караванъ выступилъ изъ Пржевальска къ дер. Сливкиной, въ которой должны были и мы присоединиться къ нему. Вечеромъ того же дня, я и Козловъ ѣздили въ послѣдній разъ на озеро проститься съ могилою незабвеннаго Николая Михайловича.

14-го утромъ мы сдѣлали прощальные визиты и, въ 3-мъ часу, дня, на двухъ почтовыхъ тройкахъ, выѣхали изъ Пржевальска, при искреннихъ пожеланіяхъ успѣха собравшихся насъ проводить горожанъ.

Шелъ сильный дождь съ холоднымъ рѣзкимъ вѣтромъ. Проѣхавъ 8 верстъ, мы очутились на р. Ирдыѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ встрѣчали насъ, оборванныхъ и усталыхъ, но сильныхъ духомъ, добрые каракольцы 7-го ноября 1885 г. Тогда мы возвращались домой, на родину, веселые, исполненные ожиданія радостныхъ встрѣчъ съ родными, знакомыми и дорогими земляками. Теперь же насъ ожидаетъ неизвѣстность будущаго... Успѣхъ дѣла зависитъ отъ многихъ чисто внѣшнихъ причинъ, а будутъ-ли онѣ въ нашу пользу— неизвѣстно.

Въ мечтахъ и думахъ самаго разнообразнаго свойства мы и не замѣтили приближенія своего къ деревнѣ Сливкиной, сады которой мы увидали только версты за три. У начала деревни, при вѣздѣ въ нее, по правую руку, пристроилась довольно богатая ферма какого-то нѣмца, собирающаго въ окрестностяхъ насѣкомыхъ и птицъ для берлинскаго музея. Нѣмецъ этотъ устроился, повидимому, не худо: у него прекрасный сырцового кирпича домъ, довольно хороший молодой садъ, передъ домомъ прудъ; имѣетъ скоть, домашнюю птицу и живетъ помѣщикомъ. Въ Сливкиной насъ встрѣтили отрядный нашъ фельдфебель Ивановъ и препараторъ Телешовъ. Доложивъ о полномъ благополучіи отряда, они указали намъ земскую квартиру, въ которой мы и помѣстились. Хозяева оказались крайне радушными людьми: они приготовили намъ обильный ужинъ, заставивъ столъ всякой всячиной; тутъ былъ и жареный поросенокъ.

и курица, и пироги; среди всего красовалась бутылка водки, смущавшая хозяевъ тѣмъ, что осталась нетронутой. Поужинавъ и напившись чаю, мы легли спать. Неутомонный дождь стучалъ въ окна и убавлялъ насъ.

Деревня Сливкина имѣетъ около 120 дворовъ, прекрасно выстроенныхъ изъ сырцоваго кирпича и обсаженныхъ деревьями, преимущественно ивой. Въ деревнѣ устроена школа для приходящихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, но церкви нѣтъ. Наканунѣ праздниковъ и въ праздники старики читаютъ Евангеліе. Въ особенно важныхъ случаяхъ пріѣзжаетъ священникъ изъ Пржевальска. Многіе крестьяне, кромѣ земледѣлія, занимаются скотоводствомъ и пчеловодствомъ; садоводство, поощряемое степнымъ генералъ-губернаторомъ, даетъ уже прекрасные результаты и въ будущемъ общаетъ многое. Скотъ свой, вмѣстѣ съ киргизскимъ, крестьяне угоняютъ на плоскогорье Тянь-Шаня, называемое Сыртомъ. Населеніе д. Сливкиной состоитъ изъ пришельцевъ разныхъ губерній. Основатель ея, крестьянинъ Сливкинъ, еще живъ; ему на видъ лѣтъ 80. Родомъ онъ изъ Тамбовской губерніи и поселился здѣсь очень давно среди киргизъ, которые отъ него перваго заимствовали земледѣліе. Онъ два раза съ Иссык-Куля ходилъ пѣшкомъ въ Кіевъ на богомолье и „по пути“ заходилъ домой, въ Тамбовскую губернію навѣстить родственниковъ.

Поутру, когда мы проснулись, у заботливой хозяйки уже кипѣлъ самоваръ. Погода разъяснилась; но необъятныя воды озера не могли успокоиться: шумъ волнъ (не смотря на разстояніе около 5—6 верстъ) глухо доносился до насъ.

Послѣ чая, сопровождаемые почти всей деревней, мы пѣшкомъ двинулись къ бивуаку отряда. Съ нами шли и старики со старухами, бабы съ ребятишками на рукахъ, дѣвушки и босоногіе ребятишки. До бивуака было всего 2 версты. Мы нашли своихъ людей веселыми и здоровыми. Пришедшіе съ нами крестьяне обступили нашихъ солдатъ и съ участіемъ разспрашивали ихъ о предстоящемъ пути; благословляли и напутствовали добрыми пожеланіями. Веселая молодежь, тѣмъ временемъ, составила хороводы и пошла пляски и пѣсни. Многіе изъ нашихъ молодцевъ, конечно, не отказались бы отъ участія въ нихъ, но сѣдланіе верблюдовъ и устройство вьюковъ не позволили имъ этого.

Въ часъ пополудни мы приступили къ вьюченію верблюдовъ. Сливкинцы участливо помогали въ этой работѣ и, въ третьемъ часу, караванъ, окончательно снаряженный, растянулся по дорогѣ.

Нашъ караванъ былъ разбитъ на восемь эшелоновъ; каждый изъ нихъ управлялся однимъ казакомъ; за двумя такими эшелонами ѣхалъ тоже одинъ казакъ, чтобы слѣдить за порядкомъ. Первый головной эшелонъ ведетъ Дорджеевъ, заступившій на этотъ разъ Иринчинова, постоянного спутника Николая Михайловича, въ его прежнихъ путешествіяхъ. Эшелоны двигались на небольшихъ дистанціяхъ, чтобы случайная остановка одного не производила безпорядка въ идущихъ свадн. Въ хвостъ каравана слѣдовали бараны и наши верблюды, освобожденные отъ вьюковъ.

Черезъ Тянь-Шань мы шли на наемныхъ киргизскихъ верблюдахъ, чтобы сохранить силы своихъ для предстоящей впереди дальней дороги. Михаилъ Васильевичъ, Козловъ и я мѣсть опредѣленныхъ пока еще не знали, чтобы, ѣздя вдоль всего каравана, удобнее было смотрѣть за порядкомъ, еще недостаточно знакомымъ для молодыхъ, т. е. идущихъ въ первый разъ въ путь солдатъ.

Переходъ въ 15—16 верстъ сдѣлали къ 6 час. вечера. Дорога ровная, по глинѣ, то удалялась отъ Иссыкъ-куля, то приближалась къ нему, гдѣ версты на 4 гдѣ на 5. Слева стояли предгорья Тянь-Шани. Бивуакъ устроили на арыкѣ, такъ какъ другой воды здѣсь не было и, по увѣренію киргизъ, не было ея и вблизи. Часовъ въ 7 пріѣхалъ къ намъ Ярославъ Ивановичъ Корольковъ изъ Пржевальска. Вскорѣ набѣжало облако, подгоняемое западнымъ вѣтромъ; пошелъ небольшой дождь; еще не виднѣя успокоившееся озеро снова забушевало. Мы долго смотрѣли и любовались имъ. Хороши были горные великаны, тянувшіеся за нимъ: облако перешло на нашъ берегъ и отерзло ихъ снѣжными вершинами, озолоченными заходящимъ солнцемъ. Что-то влекло, тянуло къ нимъ...

На другой день, въ сопровожденіи Ярослава Ивановича, мы прошли 16—17 верстъ и остановились при устьѣ маленькой рѣчки, у самаго озера; оно все еще волновалось, не смотря на тихую, хорошую погоду, но синія волны катились пологія, гладкія и плавно обливали водою песокъ, на которомъ мы стояли. Неподалеку отъ бивуака, я и Ярославъ Ивановичъ предприняли ботаническую и этномологическую экскурсію. На первый разъ нашли 25 видовъ растений, въ томъ числѣ четыре вида акаціи (*Caragana* sp.), барбарисъ, жимолость, таволгу; незабудку, веронику, альпійскій желтый макъ (*Paraveget alpinum*), дикую коноплю, нѣсколько злаковъ и др. Насѣкомыхъ собрали немного.

17-го мая путь нашъ лежалъ къ ущелью, ведущему на Барскоунскій перевалъ, черезъ который мы должны были переселить,

чтобы попасть на Сыртъ. Утромъ, когда караванъ тронулся, Ярославъ Ивановичъ сердечно распростился съ нами и съ казаками. Мы просили его передать всѣмъ знакомымъ въ Пржевальскѣ наши послѣдніе поклоны и беречь дорогую могилу Николая Михайловича. Онъ насъ увѣрилъ, что передастъ первое и будетъ заботиться лично о второмъ.

Итакъ, сегодня мы разлучились съ послѣднимъ добрымъ русскимъ человѣкомъ, которому во многомъ обязаны: во все время снаряженія экспедиціи онъ съ такимъ участіемъ помогалъ и теперь съ такою искреннею теплотою сердечною провожалъ насъ. Теперь мы почти два года не увидимъ уже европейца... Сношеніе съ родиною письмами тоже не представляетъ удобства: въ Китаѣ нѣтъ правильно устроенной почты на образецъ европейской; чиновники посылаютъ съ нужными бумагами и письмами гонцовъ, когда это потребно для начальства. Мы должны будемъ пользоваться услугами аксакаловъ и любезностью нашего консула въ Кашгарѣ, уважаемаго Н. Ѳ. Петровскаго. Все это не всегда удобно и крайне медленно.

Простившись съ Ярославомъ Ивановичемъ, мы прошли верстъ 11 и, бросивъ послѣдній взглядъ на озеро, свернули въ Барскоунское ущелье. Впереди увидали еловый лѣсъ и рѣшили дойти до него, чтобы подъ деревьями раскинуть свой бивуакъ. По сторонамъ сначала тянулись голые наносные высокіе скаты ущелья, сѣраго глинистаго цвѣта, печально-однообразные. По дну бѣжала, по камнямъ, рѣчка Барскоунъ. Далѣе по рѣчкѣ стали появляться небольшія лужайки, а по скатамъ кусты. Большой лугъ, изрѣзанный чистыми ключами, раскинулся у опушки лѣса. Здѣсь мы остановились. Громадный лѣсъ темной ели (*Abies Schrenkiana*), нижняя граница распространенія которой лежитъ на абсолютной высотѣ 6.000 футовъ, взбѣгалъ со дна ущелья по крутымъ склонамъ и скаламъ высоко вверхъ; внизу онъ росъ на обломкахъ сброшенныхъ сверху скалъ, нагроможденныхъ одна на другую цѣлыми массами. Въ этихъ обломкахъ, съ шумомъ и ревомъ, пѣнась и прыгая, пробивала себѣ дорогу и рѣчка Барскоунъ. Въ лѣсу, кромѣ ели, деревьевъ нѣтъ, но растутъ кустарники, составляющіе подлѣсокъ и опушки; они убѣгаютъ въ горы по скаламъ еще выше елей. Главные изъ нихъ: стелящійся можжевельникъ (*Juniperus Sabina*), два вида жимолости, ива, два вида кизильника (*Cotoneaster* sp.), рябина, шиповникъ бѣлый, три или четыре вида акаціи (*Caragana* sp.) и хвойникъ (*Ephedra* sp.). По лугу много незабудокъ, фіалокъ и лиловаго касатика.

Горы въ этомъ ущельѣ состоятъ изъ кристаллическихъ породъ, главнымъ образомъ гнейса и гранита, по склонамъ мѣстами прикрытыхъ лѣсовою глиною и громадными обломками тѣхъ же породъ, скатившимися сверху.

Послѣднее обстоятельство крайне затрудняетъ движеніе каравана; вьюки его часто задѣваютъ за эти глыбы и бьются; верблюды сильно портятъ ноги. Боковыхъ ущелій на всемъ своемъ протяженіи Барскоунскій проходъ не имѣетъ; его отвѣсныя скалистыя щеки, вздымающіяся высоко къ небесной лазури, прикрыты на половину островершиннымъ темнымъ лѣсомъ, вмѣстѣ съ ревущей и бьющейся въ камняхъ рѣчкой, представляютъ дикій видъ. Кручи мѣстами переходятъ въ обрывы и образуютъ страшныя пропасти. Одинъ верблюдъ, завьюченный портою, сорвался съ тропинки и покатылся внизъ, но, благодаря мягкому вьюку, состоящему изъ войлоковъ, остался невредимъ и совершенно здоровый былъ вытащенъ, конечно, не безъ трудовъ.

19-го мая мы остановились на альпійскомъ лугу, невдалекѣ (верстахъ въ 12-ти) отъ перевала. Мѣстность здѣсь нѣсколько расширяется; горы отступаютъ по сторонамъ и прежняя дикость исчезаетъ. Верхняя граница лѣса уходитъ до 11.000 футовъ абсолютной высоты, растительность же вообще встрѣчается и за 12.000 футовъ абсолютной высоты. Для осмотра предстоящаго перевала послали фельдфебеля Иванова; онъ вернулся и сообщилъ, что перевалъ заваленъ сплошь снѣгомъ и безъ расчистки его перейти нельзя. Рѣшено было двeвать. Послали 8 человекъ казаковъ и 20 верблюдовъ, чтобы послѣдними протоптать дорогу. Передъ вечеромъ погода сильно измѣнилась, пошелъ дождь, смѣнившійся потомъ снѣгомъ; пришлось надѣвать мѣховой полушубокъ. Въ 10 ч. вечера возвратились посланные и рассказали, что дорога скверная и что къ слѣдующему дню новый снѣгъ, вѣроятно, замететъ все то, что они протоптали сегодня. Поэтому на другой день рано утромъ былъ отправленъ казакъ Телешовъ съ киргизами и пастухами и всѣми свободными верблюдами впередъ снова протоптать дорогу. Мы же съ караваномъ тронулись часа три спустя; съ первыхъ шаговъ предстоялъ довольно крутой и трудный подъемъ, который мы одолѣли успѣшно. Затѣмъ дорога повернула влѣво по крутому косогору и пошла къ перевалу; внизу шумѣла рѣчка, бѣжавшая въ глубокой пропасти, грозившей поглотить за каждый неосторожный шагъ. Снѣгу сначала не было вовсе, но, по мѣрѣ приближенія къ перевалу, сталъ онъ попадаться чаще и чаще и дѣлался все глубже

и глубже, а отъ жгучихъ лучей весенняго солнца, вѣстѣ съ тѣмъ, и рыхлѣе. Погода мѣнялась каждыя полчаса: то подуетъ холодный вѣтеръ со снѣгомъ, обмораживающимъ лицо, то станетъ принимать и обжигать солнце. Нѣсколько разъ поднимался буранъ. Съ большимъ трудомъ, въ 7-ми часамъ вечера, потративъ цѣлый день, затащили мы верблюдовъ на перевалъ. Дальше идти не было никакой возможности, и мы тутъ же на перевалѣ, растянувъ караванъ по дорогѣ, немедленно его развьючили. По сторонамъ снѣгъ былъ такъ глубокъ, что сведенный съ дороги верблюдъ тонулъ въ немъ. Для юрты мы вытоптали на мокромъ снѣгу площадку и на ней воздвигли свое нехитрое жилище. Въ 11-мъ часу вечера обѣдали; послѣ обѣда мокрые, усталые, легли спать. Перевалъ оказался не очень высокимъ, около 12.000 ф. абсолютной высоты. Въ другое время года, зимою или осенью, когда снѣгъ твердый и держитъ животныхъ, онъ, конечно, не представляетъ большихъ препятствій и можетъ считаться вполне порядочнымъ и удобопроходимымъ. Весною же, когда тающій снѣгъ дѣлается рыхлымъ и животныя въ немъ проваливаются и тонуть—онъ трудно проходимъ, т. е. проходимъ, но съ неминуемою порчею животныхъ.

На другой день, 22-го мая, переходъ въ 9 верстъ мы сдѣлали съ 11 ч. утра до 5 вечера. Слѣдовательно, дѣлали въ часъ времени только 1½ версты. По глубокому снѣгу протанцовали свободными верблюдами дорогу, которая представляла видъ траншеи съ высокими снѣжными стѣнами. Люди уставали до крайности; животныя не менѣе ихъ. Постоянная перемѣна погоды и температуры весьма неблагоприятно дѣйствовала на людей. То жгло солнце, вызывая испарину, то дулъ холодный со снѣгомъ вѣтеръ и приходилось дрожать отъ стужи. Почти всѣ люди переболѣли, кто лихорадкой, кто кашлемъ, у кого болѣло горло; многіе совсѣмъ почти ничего не видѣли отъ воспаленія глазъ; у всѣхъ обветрило лицо такъ сильно, что кожа потрескалась и появились кровавые струны.

23-го утромъ Михаилъ Васильевичъ, Козловъ и я поднялись на сосѣднюю гору, чтобы посмотрѣть, далеко ли лежитъ снѣгъ. Продолжать путь по такому снѣгу, какой былъ до сихъ поръ, казалось невозможнымъ. Животныя отъ безкормицы и трудовъ неминуемо должны были бы погибнуть, а люди переболѣть. Къ счастью, съ горы мы увидѣли, по направленію нашего стараго пути 1885 г., что снѣгъ рѣдѣетъ; сначала появляются небольшія, безснѣжныя площадки, а далѣе и вовсе нѣтъ снѣга. Сейчас же былъ измѣненъ маршрутъ; вмѣсто ближней дороги — прямо

на югъ — занесенной сплошь снѣгомъ, на столько, что въ горахъ глубокіе ущелья были заровнены съ ихъ гребнями снѣгомъ, мы рѣшили идти на востокъ. Дѣйствительно, дорога эта оказалась настолько лучше, что мы, пройдя 16 верстъ, раскинули свой бивуакъ не на снѣгу, а на травѣ. Животныя съ жадностью паслись на старой прошлогодней травѣ и утоляли ею свой голодъ — голодъ нѣсколькихъ дней. Проводники-киргизы и многіе люди отряда ничего не видѣли; я ихъ лечилъ свицовой примочкой. У верблюдовъ, собакъ и барановъ тоже слезились глаза. Но снѣгъ уже совсѣмъ рѣдѣетъ, глаза должны поправляться; только растрескавшееся лицо и опухшія губы и носъ сильно болятъ и саднятъ.

24-го шли косою горомъ, на востокъ, по лѣвому берегу р. Ара-бель. Пришли на старую дорогу 1885 года. Идя рѣкою Ара-бель, мы оставили влѣво проходы Зауке и Кашка, которыми въ 1885 г. спустились къ д. Сливкиной. Теперь, послѣ 27-ми верстнаго перехода, остановка наша была прекрасная, на притокъ рѣки Ара-бель. Мѣсто для бивуака ровное, сухое, на берегу рѣки. Кормъ для животныхъ, хотя и прошлогодній, но очень хорошій. На востокъ или, вѣрнѣе, на юго-востокъ стоятъ громадныя ледники, доставляющіе лѣтомъ массу воды въ Ара-бель. Рѣка Ара-бель принадлежитъ къ бассейну Аральскаго моря; эта многоводная рѣка впадаетъ въ р. Наринъ и вмѣстѣ съ нею несется въ Сыръ-дарью. Мы ловили рыбу для коллекціи, но поймали всего пять пескарей. Ночью былъ морозъ. Дальнѣйшее наше движеніе по Сырту было благополучно и снѣгу не было уже вовсе.

28 мая пришли подъ перевалъ Беделъ и въ шести верстахъ отъ него разбили бивуакъ. Сыртъ, по которому мы шли уже недѣлю, представляетъ собою возвышенное плато около 10—11 тысячъ ф. абсолютной высоты; ширина его по нашему пути, съ сѣвера на югъ, около 150 верстъ; съ запада же на востокъ онъ тянется на весьма значительное разстояніе. Отдѣльныя горныя группы и кражи, въ восточно-западномъ направленіи, разбросаны по этой огромной возвышенности; между ними бѣгутъ свѣтлыя ледниковыя и ключевыя рѣки двухъ бассейновъ: Аральскаго и Таримскаго. Водораздѣломъ служитъ перевалъ Суакъ, въ невысокомъ хребтѣ, не имѣющемъ особаго названія. Всѣ горы этого плато сланцевого строенія; гранитовъ мы не встрѣчали совсѣмъ; почва глинисто-сланцевая ближе къ горамъ, и глинистая по долинамъ и берегамъ рѣчекъ. Растительность только травянистая, если не считать за кустъ одинъ видъ жимолости, спрятанный совсѣмъ въ землѣ. Намъ попадались осоки, кинѣцъ

(*Stipa* sp.) и др. злаки; нѣсколько видовъ крестоцѣтныхъ, бобовыхъ, преимущественно астрагалы, лютиковъ и пр. Животная жизнь здѣсь не особенно развита въ видовомъ отношеніи, хотя въ количественномъ довольно изобильна; особенно много здѣсь дикихъ горныхъ барановъ, по киргизски аргали, затѣмъ волки, лисины, тарабаганы (*Bobak* sp.) и зайцы. Птицъ немного; главные представители грифы (*Gypс* sp.), черные грифы (*Vultur monachus*), коршуны, вороны и мелкіе вьюрки и жаворонки. Постояннаго населенія нѣтъ. На лѣто приходятъ сюда изъ долины Иссыкъ-Куля киргизы выкармливать свои огромныя стада и табуны на прекрасныхъ альпійскихъ лугахъ Сырта. Сюда же пригоняютъ своихъ животныхъ и русскіе крестьяне изъ дер. Сливкиной. Роскошныя альпійскія пастбища лѣтомъ пестрѣютъ стадами. Здѣсь нѣтъ никакихъ вредныхъ для скота насѣкомыхъ. Постоянная прохлада, прекрасная въ изобиліи вода, изрѣдка солонцеватыя мѣста способствуютъ быстрому выкармливанію животныхъ, которые здѣсь вполне отдыхаютъ и боснословно тучнѣютъ.

Остановившись предъ переваломъ Беделъ, мы послали, послѣ обѣда, Телешова осмотрѣть переваль. Оказалось такъ много глубокаго и рыхлаго снѣга при подъемѣ, что безъ расчистки нечего было и думать пускаться черезъ него съ караваномъ, а поэтому принуждены были дневать. Рано утромъ послали людей съ верблюдами расчищать путь; работали они весь день и остались на ночь; пришлось послать имъ пищу и палатку.

30-го мая, въ 9 часовъ утра, караванъ тронулся въ путь. Михаилъ Васильевичъ съ переводчикомъ поѣхалъ впередъ, чтобы измѣрить высоту перевала барометромъ. Я и Ковловъ шли при караванѣ. До снѣгу было версты четыре, прошли ихъ скоро и хорошо. Снѣгу всего двѣ версты; но какихъ двѣ версты! Перваго верблюда втащили на переваль только въ 5-мъ часу вечера.

Весь день 31-го мая продолжалась трудная и утомительная для людей и животныхъ работа втаскиванія вьюковъ на переваль. Въ рыхломъ и глубокомъ снѣгу верблюды проваливались всѣми четырьмя ногами разомъ; приходилось вытаскивать ихъ на рукавъ, а для этого развьючивать; вытащивши, снова завьючивать, или таскать вьюки на себѣ. Только на третій день, т. е. 1-го іюня, въ 8 часовъ утра, перебрались послѣдніе верблюды и вьюки. Собравшись всѣ вѣстѣ, часовъ въ 9 утра, караванъ пошелъ далѣе и сдѣлалъ 25 верстъ.

На другой день дорогою насъ встрѣтили два джигита; одинъ

изъ Кашгара съ пакетомъ отъ консула, другой отъ Аксуйскаго аксакала, русскій подданный сартъ Касимъ, который прѣвѣжалъ къ намъ въ прошлое путешествіе на Лобъ-норъ, съ письмами отъ консула Н. О. Петровскаго. Оба джигита уже нѣсколько дней ожидали насъ въ Турфанѣ и, не дождавшись, выѣхали на встрѣчу. Тутъ же не вдалекѣ былъ расположенъ китайскій сторожевой пикетъ, у котораго въ 1885 г., при нашемъ черезъ него проходѣ, пришлось ломать ворота, чтобы провести выючныхъ верблюдовъ. На этотъ разъ китайцы были предупредительны на столько, что разломали ворота сами. На пикетѣ живетъ одинъ только китаецъ, который, впрочемъ, не показался намъ; при немъ нѣсколько человѣкъ вооруженной стражи изъ мусульманъ.

Отъ пикета дорога оставила рѣчку и пошла вѣрхомъ, по предгорной покатости, покрытой черною галькой изъ порфировъ и известняковъ. Рѣчка Уйталъ осталась влѣво и только верстъ черезъ 9 мы снова вышли на нее и остановились въ кустахъ ивы на зеленомъ лугу, среди множества свѣжихъ и чистыхъ ключей, прикрытыхъ барбарисникомъ и цвѣтущими кустами бѣлой розы, распространяющей далеко свое благоуханіе. Это то самое мѣсто, на которомъ мы дневали въ 1885 году. Теперь здѣсь насъ встрѣтилъ Аксуйскій аксакалъ, старый нашъ знакомый.

Ущелье, по которому мы шли эти дни отъ перевала Бедель, далеко не такъ дико, какъ Барскоунское, но далеко не такъ и красиво. Склоны его состоятъ изъ известковыхъ и сланцевыхъ породъ, прикрытыхъ лѣсомъ. Рѣчка Уйталъ бѣжитъ здѣсь въ болѣе широкомъ ложѣ, часто разбивается на нѣсколько рукавовъ и, при выходѣ изъ горъ, идетъ по галечному руслу, въ крутыхъ конгломератовыхъ стѣнахъ, вышиною футовъ въ 300. Вслѣдствіе сравнительной мягкости горныхъ породъ и значительнаго количества лѣса, прикрывающаго ихъ, дорога въ этотъ ущельѣ довольно хорошая: камней, прѣграждавшихъ путь, нигдѣ нѣтъ; опасныхъ и крутыхъ обрывовъ тоже; дорога мягкая, безъ острыхъ камней.

Растительность только кустарная и травянистая; деревьевъ нѣтъ. По склонамъ горъ растутъ бударгана (*Kalidium* sp.), *Sympegma Regeli*, *Reaumuria Kaschgarica*, хвойникъ (*Ephedra* sp.); около рѣчки и въ пазухахъ ущелій я замѣтилъ: три вида акаціи (*Caragana*), жимолость, хвойникъ (*Ephedra* sp.), два вида барбариса и шиповникъ. Ниже по теченію рѣки попадался тальникъ, который иногда образуетъ цѣлыя заросли; огромные, до двухъ сажень вышиною, кусты бѣлой розы, барбарисъ и тополь. По ключамъ: первоцвѣтъ

(*Primula* sp), *Triglochin palustre* (*Glaux maritima*), *Oxytropis* sp. одуванчикъ, злаки и проч. По сторонамъ рѣчки и по обрывамъ: *Ephedra* sp, *Reaumuria Kaschgarica*, *Androsace* sp., желто-корень (*Statice*) два вида, два вида *Caragana*, бударгана (*Kalidium* sp.) и *Sympagma* sp.

Фауна очень небогатая: волкъ, лисица, заяцъ и тарабаганъ; между птицами попадались: грифы и бородачи, сороки, клушицы (горныя галки съ краснымъ клювомъ и ногами), кеклики (горныя куропатки), улары и мелкія пернатые: пѣночки, горихвостки, въоры и жаворонки. Змѣй не видали. Ящерицы ниже 8.000 футовъ абсолютной высоты двухъ семействъ: *Eremias* и *Phrynoscephalus*. Рыбъ не нашли.

Съ рѣки Уйтагъ мы поднялись опять наверхъ на предгорную покатую плоскость, по которой уже шли ранѣе. Эта плоскость тянется вдоль предгорій Тянь-Шаня, со склономъ къ югу, почти до самой р. Таушканъ-дарьи. По этой покатости, покрытой темной, блестящей, гладкой галькою, много сухихъ руслъ сбѣгавшихъ съ горъ дождевыхъ потоковъ. По одному изъ нихъ мы и двинулись на Таушканъ-дарью. По этому руслу, какъ мѣстности, имѣющей чаще воду, росло много дырисуна (*Lasiagrostis splendens*) и ломоноса (*Clematis songarica*). На Таушканъ-дарью мы не дошли; остановились верстахъ въ 5-ти отъ нея, при армеевѣ на киргизскихъ пашняхъ. Нѣсколько киргизскихъ юртъ стояло не вдалекѣ. Здѣсь встрѣтилъ насъ китайскій чиновникъ.

На другой день, 4-го іюня, предстояла переправа черезъ Таушканъ-дарью, переправа небезопасная. Семь рукавовъ довольно широкихъ, съ быстрой мутной водой, хватавшей выше стремянъ всаднику и, мѣстами, сносившей напоромъ теченія лошадей, были пройдены благополучно. На другомъ берегу встрѣтилъ насъ китаецъ изъ Аксу отъ амбана, чтобы освѣдомиться о нашемъ здоровьѣ. Мы остановились, верстахъ въ трехъ отъ переправы, на берегу рѣки, подъ свалами горъ Кара-теке, у чистаго ручья, бьющаго не вдалекѣ тутъ же изъ земли и журчащаго по мелкимъ гладкимъ камушкамъ. Здѣсь нужно было передневать, чтобы отпустить киргизъ съ ихъ наемными верблюдами; отсюда предстоитъ работа верблюдамъ экспедиціоннымъ, шедшимъ до сихъ поръ свободными. Тутъ же мы рѣшили не заходить ни въ Учъ-Турфанъ, ни въ Аксу, а черезъ хребетъ Кара-теке пройти прямо на Яркендскую рѣку. Путь этотъ представлялъ интересъ новизны: эти горы еще не пересѣкалъ здѣсь ни одинъ европеецъ; точно также неизвѣстенъ и

путь отъ горъ до Яркендской рѣки. Кромѣ того, уходя въ горы, мы тѣмъ самымъ избавлялись хотя на нѣсколько дней отъ жаровъ, которые уже начали вступать въ свои права.

Слѣдующій день, 5-го іюня, начался прекрасною ясной погодой; я отправился на экскурсію, но ходить долго не пришлось; на западѣ я увидѣлъ темное облако, не предвѣщавшее ничего хорошаго, и вернулся домой. Облако это быстро росло и надвигалось къ намъ; его темный фонъ начинали уже бороздить молнии и далеко неслись раскаты грома. Мы хотѣли отобѣдать до дождя, но не успѣли этого сдѣлать; въ серединѣ обѣда пошелъ такой ливень, что въ 5 минутъ земля покрылась водою на $\frac{1}{4}$ аршина; вода ворвалась и въ нашу юрту и заливала вещи; бросили обѣдъ и каждый принялся собирать свои пожитки, кому что дороже. Разостланные на полу юрты войлока и постели наши выможи совершенно. Разставленные по бивуаку вьюки стояли въ водѣ. Ливень продолжался недолго и пока мы хлопотали, онъ уже и окончился, но выбросилъ воды на землю очень много; къ счастью, мѣстность была покатая и вода скоро сбѣжала, не успѣвъ причинить большого вреда нашимъ вьюкамъ. Съ окончаніемъ ливня сейчасъ же разъяснилось и солнце жгло съ такою силою, что съ земли подымался паръ. Всѣ смокшія вещи, войлока и постели мы разложили на сосѣднія скалы, гдѣ они скоро просохли. Того же дня мы ловили рыбу въ Таушканъ-дарьѣ для коллекцій; было поймано два вида.

Съ этого бивуака мы тронулись 6-го іюня вверхъ по Таушканъ-дарьѣ, на разстояніе 12 верстъ, до сворота въ горы. На всемъ этомъ пространствѣ идутъ пашни, частью засѣянные пшеницею, часть необработанныя на этотъ годъ. Попадались маленькіе кишлаки или, вѣрнѣе, фермы. Недалеко отъ сворота въ горы стоитъ цѣлый городъ старинныхъ мазаровъ (могилъ), сложенныхъ изъ сырцоваго кирпича—это безмолвный городъ мертвыхъ. Свернувъ въ горы, мы очутились на довольно обширной равнинѣ, окруженной горами и у входа заставленной нѣсколькими отдѣльными горками. Въ эту долину отовсюду съ горъ идутъ широкія и узкія, короткія и длинныя пади и ущелья. Отсюда я увидѣлъ на востокъ на горахъ лѣсъ, который подавалъ надежды на то, что растительность этихъ горъ не должна быть бѣдна; въ этомъ я не ошибся, порядочно пополнить свой гербарій въслѣдствіи. Наша дорога лежала въ крайнее западное ущелье; его склоны, состоявшіе изъ известняковъ, мѣстами служивались, мѣстами раздвигались; по скаламъ лѣзились кусты хвойника и караганы, а въ пазухахъ прятались барбарисъ, кизиль-

нии, жимолость и розн. Дно ущелья представляло сухое, каменистое русло, съ укатанной крупной галькою, свидетельствующей о томъ, что здѣсь бѣжить иногда сильная вода, которая, играя камнями, бьетъ ихъ другъ о друга, округляетъ и сглаживаетъ. Берега этого русла поросли густыми кустами дырисуна и караганы, по которой вьется ломоносъ, выставляя на показъ свои золотые крупные крестообразные цвѣты. Ущелье мѣстами расширяется и въ такихъ мѣстахъ встрѣчаются пашни; сѣютъ ячмень и пшеницу; мѣстами оно суживается сдвинувшимися отлѣсными известняками. Такъ, на второй день пути (8-го іюня) по этому ущелью, оно сужилось до размѣровъ всего 3—4 аршинъ и образовало корридоръ; каменные стѣны, вадимаясь сажень на 100—150 вверхъ, иногда сближались другъ съ другомъ на столько, что заслоняли небо и дорога казалась идущей какъ бы въ подземельѣ. Верблюдовъ во многихъ мѣстахъ проводили по одному.

Не смотря на постоянно свѣжій воздухъ и недостатокъ свѣта, мною замѣчена здѣсь довольно богатая флора. По дну много желтыхъ фіалокъ, незабудокъ, камнеломокъ, заячьей капусты, колокольчиковъ и др. По каменнымъ стѣнамъ свѣшиваются кусты смородины, князильника, жимолости и барбариса съ розою, перевитые красивымъ ломоносомъ съ бѣлыми крупными душистыми цвѣтами; кое-гдѣ большіе листья ревеня выползаютъ изъ своей большой почки и прижимаются къ камнямъ. Пройдя около версты этимъ корридоромъ, мы вышли въ ущелье, которое здѣсь расширялось и и вело къ перевалу Дунгаретъ-ма. Корридоръ, оставшійся теперь за нами, носить то же имя. На перевалѣ я прошелъ впередъ, чтобы осмотрѣть дорогу и сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія. Подъемъ не трудный и довольно удобный, но за то спускъ по сланцевымъ и скользкимъ уступамъ былъ крутъ и опасенъ. Сводили внизъ всѣхъ верблюдовъ по одному, поддерживая вьюки съ обѣихъ сторонъ. Спустились благополучно, но многіе верблюды все-таки пошатнулись ссадинами и значительными ушибами ногъ; многіе испортили спины сползающими вьюками. Люди тоже порядочно помучились на этомъ спускѣ. Перевалъ имѣлъ съ небольшимъ 8.000 футовъ абсолютной высоты. Съ его вершины видѣлся впередъ значительный, тысячъ до 10—11 футовъ, скалистый гребень, покрытый еловымъ лѣсомъ и зелеными лугами, на которыхъ были раскиданы юрты кочующихъ киргизовъ. Спустившись съ перевала, дорога пошла внизъ ущельемъ, которое привело насъ на другой день къ небольшой рѣчкѣ, сжатой въ отлѣсныхъ горахъ. Съ вершинъ

этих горъ сброшены внизъ, въ самомъ хаотическомъ безпорядкѣ, массы каменныхъ глыбъ, оторванныхъ отъ горныхъ вершинъ невидимой силой. Маловодная слабая рѣчка должна искать прохода между этими глыбами и, пѣнась, и фильтруя свои воды, прорывается черезъ нихъ. По этимъ наброшеннымъ въ безпорядкѣ камнямъ и между ними пролежала и наша тропинка. Во многихъ мѣстахъ пришлось раздѣливать ее, сворачивая въ сторону огромные камни, или обивая ихъ. Проводили верблюдовъ опять по одному. Здѣсь досталось не только имъ, но и вышкамъ: многіе ящики, ударяясь о камни, дали трещины, на другихъ оборвалась кожаная обшивка. Пространство мѣтѣ $\frac{1}{2}$ версты заняло у насъ 3 часа времени!

Мы остановились верстахъ въ двухъ ниже по теченію рѣчки, на старыхъ пашняхъ. Впереди бивака, верстахъ въ двухъ виднѣлись горы и въ нихъ темное, узкое, какъ трещина, ущелье. Въ него, извиваясь, направлялась рѣчка, туда же шла и наша дорога. Мы вступили въ эту тѣсную, темную каменную расщелину; сверху небо казалось голубой лентой; по каменистому дну струилась рѣчка. Отвѣсныя мрачныя стѣны наводили уныніе и дѣйствовали подавляюще. Версты черезъ четыре ущелье слегка раздвинулось; стало веселѣе на душѣ; каменные стѣны смѣнились глиняными скатами; прежняя угрюмость ущелья смягчалась зеленью деревьевъ и кустовъ. Здѣсь впервые нами былъ встѣченъ тополь-тогракъ (*Populus euphratica*); были: ива, *Myricaria* sp., два вида харьинца (*Nitraria Schoberi* и *Nitrariasphaerocarpa*), бѣлолозики (*Eurotia* sp.), *Atraphaxis* sp., *Zugophyllum xanthoxylon*, два вида тамариска (*Tamarix* sp.), два вида барбариса, два вида ломоноса (*Clematis orientalis* и *Clematis* sp.), большіе кусты розы (*Rosa sericea*?), достигающіе 3-хъ саженъ въ вышину, усыпанные бѣлыми душистыми цвѣтами, какъ свѣжыми хлопьями; роскошные кусты дырисуна (*Lasiagrostis splendens*), ярко-зеленый камышъ (*Phragmites communis*), два вида реамурга—*R. trigina* и *R. Kashgarica*; два вида караганы (*Caragana* sp.).

На 13-й верстѣ бока ущелья разошлись въ стороны и мы вступили на широкую прекрасную свѣтлую площадку; на ней прежде пахали, а теперь стоятъ разрушенныя стѣны сакли. Нѣсколько сухихъ руселъ изъ сосѣднихъ ущелій сходятся здѣсь. По одному изъ нихъ, въ южномъ направленіи, пошли и мы; въ своей вершинѣ оно окончилось переваломъ и намъ предстоялъ спускъ по красивому и оригинальному ущелью изъ краснаго песчаника. Сломъ песчаниковъ были приподняты вдоль ущелья такъ, что лѣвый его

ската представлялъ почти гладкую поверхность слоевъ, скатившихся къ западу, а правый—приподнятые, обломанные и вздерженные оголовки этихъ слоевъ, обращенные на востокъ. По дну ущелья просачивалась кой-гдѣ солоноватая вода и снова исчезала. Пройдя немного, мы опять увидали тогракъ и другія кустарники и травянистыя растенія, между которыми въ первый разъ встрѣтили каперсы (*Capparis herbacea*); это видъ, растущій исключительно на пустынныхъ, слегка солонцеватыхъ мѣстахъ; изъ почекъ его можно готовить такіе каперсы, какъ и изъ европейскаго вида *Capparis spinosa*. Скаты ущелья понемногу все раздвигались и понижались и, наконецъ, совсѣмъ расплылись въ пустынной равнинѣ, шириною верстъ около 7; съ запада она огораживалась хребтомъ изъ краснаго песчаника; съ востока тоже высокимъ краемъ, но цвѣта зеленовато-сѣраго, состоящимъ, вѣроятно, изъ глинистыхъ сланцевъ; оба они имѣютъ одно и то же направленіе—съ сѣвера на югъ; оба совершенно пустыннымъ и обнажены отъ растительности, у обоихъ склон круто, градусовъ на 60, приподняты съ восточной стороны. Пустынная сѣрая долина, между ними лежащая, безмолвіе которой изрѣдка нарушалось однообразнымъ трещаніемъ цикадъ, имѣла видъ мертвый, унылый, какъ бы опаленный жгучими лучами солнца. Она имѣла скатъ къ югу. Только сухое русло дождевого потока напоминаетъ, что здѣсь бываетъ вода.

Мы прошли уже порядочно; небольшое утомленіе замѣчалось въ караванѣ, но онъ шелъ все таки бодро—впереди видѣлась полоса зелени и рѣчной гальки, среди которой, на солнцѣ, иногда блестѣла рѣчка. Не доходя этой воды, мы были застигнуты пыльнымъ буряномъ, налетѣвшимъ быстро и такъ же быстро исчезнувшимъ: онъ задѣлъ насъ только крыломъ. Впереди же, за рѣкомъ, надъ стоящей отдѣльно высокой горой, спустилось черное облако; по нему бѣгала сверкающая молнія; раскаты грома потрясали напряженный воздухъ и отдавались эхомъ въ горахъ. Было жарко и душно; мы желали грозы, хотя бы пришлось и перемокнуть. Но она прошла мимо насъ. Подойдя къ рѣкѣ, мы остановились на плонцадѣ, взяли пашень, засѣянныхъ нишеницею и ячменемъ. Въ этотъ переходъ караванъ прошелъ около 40 верстъ. Въ полувѣрстѣ ниже насъ, тамъ гдѣ рѣчка, пробѣгая на востокъ, промываетъ себѣ широкій путь въ горахъ, стоитъ китайскій пикетъ; тутъ же проходитъ и большая дорога изъ Учъ-Турфана на укрѣпленіе Мараль-баши. Начальникъ пикета прислалъ оборваннаго солдата съ требованіемъ отъ насъ паспорта: не знаю, обычай ли это, или любопыт-

ство праздного китайца; прежде у насъ паспортовъ не требовали нигдѣ, а въ большихъ городахъ мы сами посылали переводчика къ начальству визировать свои паспорта. За пикетомъ, менѣе чѣмъ въ одной верстѣ, горы обрываются и огромная пыльная и пустынная равнина, устланная галькою, простирается въ даль. На горизонтѣ, черезъ пыль, видѣлись силуэты деревьевъ, это оазисъ—деревня Кельпентъ, со многими кишлаками. Входъ въ эти горы прежде запирали здѣсь небольшія укрѣпленія, обломки которыхъ и теперь сохранились направо и налево на утесахъ горъ. Здѣсь мы прощаемся съ этими горами, а потому я оглянулся на нихъ въ послѣдній разъ, чтобы сохранить въ памяти всѣ ихъ особенности. Строеніе ихъ, почти исключительно известняковое въ сѣверо-западной части, перешло въ слонистые песчаники и глинистые сланцы на юго-востокѣ. Въ той части, гдѣ преобладаютъ (по нашему пути) известняки, слон обращены своими головками къ сѣверу и скатами къ югу. Во второй половинѣ нашего пути, гдѣ преобладаютъ песчаники и глинистые сланцы, породы приподняты съ востока и скаты обращены на западъ. Наклонъ слоевъ мѣстами переходитъ 70°. Вышина этихъ горъ достигаетъ до 11.000 футовъ абсолютной высоты, перевалъ Дунгаретъ-ма—8.000 футовъ абсолютной высоты. Невиданное мною до сихъ поръ нигдѣ такое множество сухихъ руселъ, съ галькою и камнями, округленными и совершенно сглаженными водою, свидѣтельствуешь о тѣхъ громадныхъ ливняхъ, которые орошаютъ эти горы. Сильно обмытые скаты ущелій подтверждаютъ то же. Сравнительно богатая флора могла развиваться не иначе, какъ при обильномъ орошеніи. Этою флорою обуславливается здѣсь и жизнь человѣка съ его стадами. На высокихъ и тучныхъ лугахъ альпійской области кочуютъ киргизы съ большими стадами барановъ и коровъ и табунами лошадей. Зимой они частію спускаются въ ущелья своихъ горъ, гдѣ лѣтомъ у нихъ устроены пашни, частію же уходятъ на Таушканъ-дарью. Въ числѣ звѣрей живутъ горные козлы (*Capra sibirica*), волки, лисицы и тарабаганы. Между птицами рѣшше въ воздухѣ грифы и бородачи, свистающіе по скаламъ улары, клушицы, оглашающія своимъ звонкимъ и пріятнымъ крикомъ ущелья горъ, кеклики, постоянно сбѣгающіе внизъ, чтобы отыскать на днѣ ущелья воду и заботливо сликающіе своихъ постоянно разбѣгающихся цыплятъ; болтливыя сороки и вездѣ присутствующіе вороны; одинъ разъ слышалъ бездомную кукушку, повторяющую вѣчно одну и ту же нехитрую свою пѣсню; горихвостки и другія мелкія птички, заботливо порхающія по ку-

стамъ и разыскивающія насѣкомыхъ для своего голоднаго и слабаго потомства. Вотъ въ главныхъ чертахъ все, что мы видѣли въ горахъ Кара-теке въ теченіе своего 100 верстнаго перехода. Рѣчка, отъ которой мы на время отвлеклись, оглаживаясь на горы Кара-теке, выбѣгая изъ нихъ, разводится на арны въ Кельпенъ, куда держали мы свой путь, и въ сосѣдніе съ ней кишлаки.

Деревня Кельпенъ стоитъ въ 15-ти верстахъ отъ китайскаго пикета. Издалека она представляется прелестнымъ садомъ среди голой пустыни; ея пирамидальныя тополи видны очень далеко, а съ приближеніемъ къ ней замѣчаешь глиняныя сакли, разбросанныя среди полей, или укрывающіяся въ тѣни абрикосовыхъ и таловыхъ деревьевъ. Въ садахъ здѣсь много персиковъ и яблоковъ. Жители—сарты. Исключительное занятіе ихъ земледѣліе; сѣютъ пшеницу, ячмень и кукурузу; на огородахъ—дыни, арбузы, огурцы и пр. овощи. Небольшая торговля разной мелочью, на своемъ же базарѣ, доставляетъ имъ не столько барыши, сколько развлеченіе. Скота держатъ немного; кромѣ барановъ, по нѣскольку ишаковъ (ословъ); лошадей держатъ только богатые, или имѣющіе нужду далеко ѣздить. Одѣваются просто: бѣлый дабовый халатъ съ завязками на груди и подпоясанный кускомъ дабы, или чалмой (матерія, употребляемая для ношенія на головѣ въ видѣ чалмы), у богатыхъ; дабовые панталоны. На головѣ тибетейка, барашковая шапка или войлочный колпакъ съ отогнутыми, разрѣзными спереди и сзади лапами; на ногахъ ичиги, бывають съ калошами, чаще всего босикомъ. Женщины носятъ чапанъ, т. е. длинную, широкую рубашку, съ длинными же рукавами, замѣняющими карманный платокъ во всѣхъ случаяхъ; чапанъ шьется изъ бѣлой маты или дабы, или изъ ситца; предпочитается красный и часто замѣняется кумачемъ. Богатые носятъ чапаны шелковые, преимущественно зеленого или краснаго цвѣта; воротъ застегивается у дѣвушекъ на плечахъ, у замужнихъ на груди металлическими пуговицами. Чапанъ носится безъ пояса. Панталоны изъ тѣхъ же матерій спускаются до щиколовъ ногъ. На головѣ женщинъ чаще всего можно видѣть тибетейку, иногда парчевую; закрываютъ лицо не всѣ женщины, а которыя закрываютъ, то больше въ угоду своимъ ревнивымъ мужьямъ, сами же лукаво посматривають изъ подъ своихъ покрывалъ и, улыбаясь, показываютъ свои черныя, какъ уголь, глаза и бѣлыя, какъ жемчугъ, зубы. Старухи и некрасивыя всегда тщательно закрываются. Многія красятъ лицо; это ихъ очень портитъ, также какъ и обычай, распространенный вообще на Востокѣ и въ нашемъ Туркестанѣ и Бухарѣ

и даже въ Алжирѣ, сводить свои красивыя черныя брови синей краской въ одну линію. На ногахъ женщины носятъ туфли, ничги съ каблуками, или безъ каблукъ; бѣдныя ходятъ босикомъ. Типъ изобличаетъ арійское происхожденіе; какъ мужчинъ, такъ и женщинъ вообще надо признать красивыми. Характера мягкаго и невазойливна, какъ китайцы или монголы; крайне услужливы и вѣжливы. Когда караванъ подходилъ къ Кельпену, сейчасъ же явились цѣлыя группы жителей, указывавшихъ намъ дорогу и старавшихся быть намъ чѣмъ нибудь полезными.

Остановка наша на краю Кельпена была не совсѣмъ удачна: пришлось разбить бивуакъ на глинистой и пыльной площадкѣ прежде бывшей здѣсь пашни. Мѣсто для палатки полили водой; это практиковали и впослѣдствіи. Кельпенцы развѣучивали верблюдовъ вмѣстѣ съ нашими людьми; пустили въ ближній къ намъ сухой арыкъ воду. Появились немедленно продавцы абрикосовъ, яблокъ, кислаго молока, лепешекъ и пр. Всѣ они разиѣстились въ почти-тельномъ отъ насъ разстояніи и, сидя на корточкахъ, съ любопытствомъ смотрѣли на нашъ бивуакъ; ихъ называютъ казаки „зрителями“. Затѣмъ, что мы ловимъ ящерицъ, многіе тоже стали ихъ ловить и приносить намъ. Я поймалъ нѣсколько интересныхъ экземпляровъ *Stenio*, величиною въ $1\frac{1}{2}$ фута. Добылъ ихъ въ глиняныхъ обрывахъ, разрывая норы. Тутъ же попадались и скорпионы.

На другой день, 11-го іюня, рано утромъ, мы видѣли много „зрителей“, уже собравшихся къ нашему бивуаку и еще идущихъ къ нему съ разныхъ сторонъ; тутъ были съ торговлей, съ ручной работой (сучили нитки), съ дѣтьми на рукахъ и совершенно свободные отъ всякихъ дѣлъ. Когда начали завѣучивать верблюдовъ, они добровольно приняли участіе въ этомъ и помогали нашимъ людямъ; это ускорило наше выступленіе, и въ 5-мъ часу утра мы оставили Кельпенъ. Путь пошелъ по хорошей, твердой дорогѣ, между посѣвами, которые вскорѣ замѣнились пескомъ и буграми съ хармикомъ и тамарискомъ; черезъ 20 верстъ почти однообразной, бугристой мѣстности, мы пришли на рѣку Чиликъ. Рѣчка эта промывала себѣ глубокое, футовъ въ 50, и широкое, шаговъ въ 100, русло. Мѣстами берега расходятся еще шире и здѣсь образуются густо поросшія зеленымъ камышомъ площадки, на которыхъ тамъ и сямъ разбросаны группы и отдѣльныя деревья тограка и кусты тамарисковъ, съ большими кистями нѣжныхъ розовыхъ цвѣтовъ. На одной изъ такихъ площадокъ пріютились и мы со своими ка-

раваномъ, на берегу самой рѣчки. Рѣчка бѣжитъ довольно быстро; она неглубока, но мѣстами подмываетъ берега и образуетъ омуты; вода въ нихъ мутная. Мы ловили рыбу, оказалась двухъ видовъ: *Diplorhiza* и должно быть *Schizopygopsis* sp. Тутъ же къ намъ пріѣхалъ во второй разъ аксуйскій аксакалъ и китайскій чиновникъ-магометанинъ изъ Аксу; оба, по порученію аксуйскаго амбана, справиться о здоровьѣ, нашихъ нуждахъ и устроить поудобнѣе нашъ путь впередъ, т. е. добыть, главнымъ образомъ, надежнаго проводника. Намъ отъ нихъ ничего не было нужно, а потому они, проводивъ насъ на станцію и получивъ подарки, поѣхали обратно. При насъ остался проводникъ-сартъ. Отсюда мы должны были попасть на Яккахъ-худукъ, станцію, расположенную на большой дорогѣ изъ Аксу на Маралъ-баши и Яркендъ.

До Яккахъ-худука мы шли 12-го іюня сначала все по той же бугристой мѣстности, съ кустами тамариска; потомъ стали попадаться выдутыя вѣтромъ, глинистыя площадки, съ выступавшею на поверхности солью; мѣстность замѣтно мертвѣла: свѣжіе цвѣтущіе тамариски встрѣчались рѣже, ихъ замѣняли сухіе кусты, со свернутыми отъ жары и суши вѣтвями. Стали появляться валяющіеся и еще стоящіе, на половину истлѣвшіе стволы тограковъ. Почва становилась рыхлою, сухою и бесплодною. Раздутые вѣтрами, вымерзшіе тамарисковые бугры, съ торчащими корнями, дополняли грустную картину. Черезъ эти мертвыя бугры, на горизонтѣ виднѣлась желтая полоса сыпучихъ песковъ и около нихъ что-то зеленѣло. Приблизясь, мы увидели на окраинѣ песковъ растущіе высокіе тограки, которые, сопровождая насъ вдоль песковъ, перешли въ густой лѣсъ, уходявшій далеко на востокъ; среди него идетъ протокъ Яркендской рѣки; на протокѣ этомъ стоитъ лангеръ (станція) Яккахъ-худукъ. До послѣдняго мы не дошли съ полверсты и остановились на этомъ протокѣ въ тѣни тограковъ. Большая аксуйская дорога проходила тутъ же; но мы не пошли по ней, а, переночевавъ у Яккахъ-худука и пройдя черезъ него, свернули лѣсомъ влѣво, по мало наѣзженной тропкѣ. Здѣсь вся мѣстность покрыта густымъ тограковымъ лѣсомъ (*Populus euphratica* и *p. gruinosa*), сюда изрѣдка врываются своими рукавами пески, идущіе невадалекъ; попадаются довольно значительныя площади, сплошь поросшія камышемъ. Протокъ Яркендской рѣки, подъ именемъ Пшакъ-сайды, нѣсколько разъ подходитъ къ дорогѣ справа и опять отъ нея уходитъ. Такая мѣстность сопровождала всю станцію до деревни Пшакъ-сайды; прошли ее и въ полутора верстахъ остановились на берегу

небольшого оверка, у опушки тограковой священной рощи, въ которой находится мазаръ какого-то магометанскаго святого.

Деревня Пшакъ-сайды расположена въ лѣсу и не бросается въ глаза, какъ большинство кишлаковъ, стоящихъ оазисами въ пустыни. Здѣсь рѣзко выдѣляются только пирамидальныя тополи, которые далеко выше всего прочаго лѣса. Орошаемая изъ протока Пшакъ-сайды пашня обработана плохо; онѣ переполнены камышами и другими сорными травами, мѣстами совсѣмъ заглушающими посѣвы. Деревня очень раскинута; глиняныя сакли далеко разставлены одна отъ другой и тонуть въ общей зелени культурныхъ деревьевъ и тополей, джиды, ивы и абрикосовъ, персиковъ и проч. Озеро, на которомъ мы остановились, тянулось въ длину шаговъ на 600 и въ ширину шаговъ на 200; часть берега покрыта густою порослью камыша и тамариска, или, какъ говорятъ туземцы, „джингаломъ“, а болѣе низкій, юго-восточный, берегъ сохранилъ на себѣ слѣды рисовыхъ полей, когда-то здѣсь воздѣлывавшихся. Поверхность озера чистая, ничѣмъ не поросшая, и мы съ удовольствіемъ купались сами и купали нашихъ лошадей. Можно предполагать, что здѣсь есть и рыба, потому что множество крачекъ летаетъ надъ водою и что-то высматриваетъ. У камышей плаваютъ турпаны и краковыя утки; есть чирки. Много мелкихъ птичекъ, скворцовъ и голубей прилетаютъ сюда на водопой. Вечеромъ слышали крики фазановъ; Козловъ убилъ одного.

На другой день, 15-го іюня, наша дорога повела насъ сначала лѣсомъ густого, но молодого тограка. Съ третьей версты открылась поляна; по ней мы и пошли. У опушки лѣса на этой полянѣ простроилась небольшая заимка для лѣтнаго жилья со скотомъ; заимки эти дѣлаются здѣсь изъ прутьевъ и камыша; изъ такого же матеріала и загоны для скота; пасутъ коровъ, барановъ и козъ сарты изъ деревень, находящихся отсюда иногда довольно далеко, верстъ за 100. Мѣстность, по которой мы шли, измѣнялась; то шли полянами, поросшими камышами, то тограковымъ лѣсомъ.

На седьмой верстѣ отъ озера у насъ случилось непріятное происшествіе. Черезъ выведенный изъ рѣчки глубокой арыкъ былъ переброшенъ хорошій прочный мостъ. Но такъ какъ верблюды незнакомы съ этими приспособленіями, то ихъ переводили по одному. Поддерживаемые людьми, они тряслись всѣмъ тѣломъ, переходя черезъ мостъ. Нѣсколько прошло благополучно, но одинъ изъ наиболѣе трусливыхъ, завьюченный ящиками, ступилъ одной ногой въ сторону, мимо моста, и грохнулся съ него въ воду; онъ упалъ на

спину и болталъ ногами въ воздухѣ; ящики, тоже погруженные въ воду, торчали вверхъ дномъ. Нѣсколько человекъ быстро соскочили въ арыкъ, перерѣзали въючныя веревки, чтобы дать верблюду поправиться и стать на ноги, а также спасти ящики отъ подмошки; ихъ моментально вытащили, но верблюдъ встать не могъ, при паденіи онъ сломалъ себѣ ногу, задѣвъ ею за мостъ. Его вытащили на берегъ и пристрѣлили, чтобы избавить отъ муки.

Караванъ пошелъ дальше, но не черезъ мостъ, а обходнымъ путемъ въ бродъ. Лѣсъ скоро кончился, мы вышли на камышевую поляну, которую по сторонамъ охватывалъ оставленный нами лѣсъ. Вдали, сквозь пыль, видѣлись синими силуэтами зубчатая горы. Это стоялъ Мазаръ-тагъ, а къ западу отъ него видѣлся еще какой-то пустынный хребетъ. Нужно было дойти до озера Акъ-кулъ, скрытаго въ высокихъ камышахъ; но, по незнанію проводниковъ мѣстности, не дошли до него и остановились на небольшой рѣчкѣ, пробивающейся въ густыхъ и высокихъ камышахъ. Среди этихъ камышей, протанувшихся здѣсь на огромное пространство, раскидано много озеръ, въ которыхъ водятся сомы и другая рыба. Множество водяной птицы пролетаетъ съ крикомъ черезъ нашъ бивуакъ съ одного озера на другое. Озера эти въ большинствѣ недоступны для охотника; берега ихъ густо поросли огромными камышами и до открытой воды нѣтъ возможности добраться. Въ этихъ-то недоступныхъ мѣстахъ и гнѣздятся всѣ пернатые. Ихъ здѣсь не трогаетъ человекъ; онѣ живутъ покойно, если не считать лукавой лисички, всегда съумѣющей ловко подкрасться ночью къ спящей птицѣ, или крылатого ихъ врага орла, имѣющаго здѣсь представителями нѣсколько видовъ. Въ заросляхъ камыша тигры охотятся на кабановъ, которыхъ здѣсь много, судя по слѣдамъ. Дневная жара съ закатомъ солнца смѣнилась другимъ не менѣе непріятнымъ обстоятельствомъ: налетѣли комары, которые изводили насъ всю ночь, не давая спать.

16-го іюня, утромъ, въ 6 часовъ, мы пошли далѣе. Влѣво на западъ пошла далеко поросшая камышами зеленая равнина, съ разбросанными по ней озерами, соединявшимися между собою рѣчками и канавами. На 11-й верстѣ стали попадаться зайчики и хотора; послѣдніе имѣютъ видъ болѣе постоянной осѣдлости; тутъ разбросаны пашни съ ихъ безчисленными арыками, посажены культурныя и фруктовыя деревья, обремененныя еще не совсѣмъ спѣлыми плодами; дома сложены изъ сырцоваго кирпича, или сбиты изъ глины. По мѣрѣ приближенія нашего къ горамъ, онѣ высту-

нали все рѣзче и яснѣе, силуэты отдѣльныхъ скалъ и темныя ущелья выдѣлялись сильнѣе. Последнія пять верстъ этого перехода шли вдоль глубокаго арыка, на которомъ мы и остановились, въ сосѣдствѣ небольшой займки, сплетенной изъ камыша. Кругомъ паслось много барановъ и коровъ; по кустамъ тамариска покрикивали фазаны; не вдалекѣ отъ насъ было нѣсколько озеръ, но недоступныхъ. Козловъ убилъ здѣсь сѣрую цаплю. На завтра, 17-е іюня, нашъ путь лежалъ къ Мазаръ-тагу. Насъ предупреждали, что дорогой будетъ неудобное для верблюдовъ мѣсто, именуемое „Бешъ-купрюкъ“ — пять мостовъ. Дѣйствительно, на седьмой верстѣ, поперекъ дороги нашей стояло озеро шаговъ въ 100 длиною и шаговъ 50 шириною, очень глубокое, съ насыпными высокими берегами. Съ сѣверо-западной стороны изъ него выведены глубокіе арыки, съ перекинутыми черезъ нихъ животрепещущими мостиками въ 1½ аршина шириною; устройство ихъ самое первобытное: черезъ арыкъ перекинуты три жерди, поперекъ ихъ наложенъ камышъ и прутья, присыпанные сверху землею. Всѣхъ арыковъ семь, столько же и мостовъ, и сохранившееся названіе „Бешъ-купрюкъ“ относится къ тому времени, когда было еще только пять арыковъ и пять мостовъ. Эти арыки разносятъ воду далеко по мѣстности, пройденной уже нами, и наполняютъ всѣ разбросанныя по ней озера; воды они выносятъ очень много и орошаютъ громадную площадь, носящую имя „Лай-моя“. Въ озеро вода приносится большимъ протокомъ, бѣгущимъ изъ Яркендской рѣки. По мостамъ этимъ верблюдовъ перевозили съ большими предосторожностями. Каждого сопровождало пять человѣкъ, поддерживавшихъ его по сторонамъ веревками, чтобы не допустить паденія съ моста. Съ вьюками прошли всѣ благополучно, но одинъ изъ незавьюченныхъ все таки грохнулся внизъ подъ мостъ, но безъ поврежденій былъ вытащенъ на берегъ.

Оставивъ за собою „Бешъ-купрюкъ“, мы прошли какъ бы въ ворота, между двухъ отдѣльныхъ и скалистыхъ, почти отвѣсныхъ горныхъ группъ, совершенно пустынныхъ, безжизненныхъ и дикихъ. Лѣвая изъ нихъ, восточная, скоро осталась позади насъ; правая потянулась на юго-западъ и круто обрывалась своимъ восточнымъ склономъ къ нашей дорогѣ. Впереди, на юго-востокъ, стоялъ темный Мазаръ-тагъ, тоже пустынный, выжженный солнцемъ и выдутый вѣтрами. Немного лѣвѣе его песчаные барханы, раскалинные солнцемъ, выглядывали изъ за высокихъ камышей. Мы пошли мѣстностью сухою и пыльною, прикрытою тощимъ камышемъ; всегда стояли въ одиночку тополи и тамариски; затѣмъ вступили въ

джемгалы и на 23-й верстѣ перехода остановились на берегу большого озера съ высокими и густыми камышами. Оно напоминает Лобъ-норъ: такіе же высокіе, стѣною стоящіе камыши; такія же между ними озера и каналы; такія же долбленныя лодки, скользящія по водамъ; такія же тростниковыя сакли раскиданы по берегамъ. Зимой здѣсь не живутъ; весною же сарты пригоняютъ коровъ и барановъ откармливать на молодыхъ камышахъ. Чтобы лѣтомъ имѣть для скота побольше молодой и свѣжей зелени, жители выжигаютъ большія пространства старыхъ камышей, тогда здѣсь идутъ молодые, сочные и питательные побѣги. Для запаса на зиму, камышъ, еще не успѣвшій выколоситься, жнутъ и сушатъ, связываютъ въ пучки и складываютъ въ стоги.

Днемъ было жарко и пыльно. Изрѣдка набѣгалъ вѣтерокъ и приносилъ много песку въ нашу палатку. Мы купались и ловили рыбу; плавали по озеру на утлой долбленой лодкѣ, грозившей каждую минуту опрокинуться. Ночь всѣ, въ томленіи и безсильной борьбѣ съ комарами, провели безъ сна.

Утромъ, 18-го іюня, по обыкновенію, продолжали путь. Пройдя немного камышами, вышли на галечную предгорную покатость Мазаръ-тага и пошли подъ его подошвою въ юго-восточномъ направленіи. Справа стоялъ молчаливый Мазаръ-тагъ, слѣва тянулись камыши, съ блестящими на солнцѣ зеркальными поверхностями озерковъ и насыпанными среди нихъ песчаными барханами. На 17-й верстѣ мы свернули вправо, въ пустынные сланцевые отроги Мазаръ-тага. Переваливъ черезъ главный отрогъ, мы увидали Яркендскую рѣку, широкою лентой идущую среди зелени камышей и лѣсовъ тограка. За рѣкою пошли сплошные лѣса, которые тянутся очень далеко; а за ними, черезъ легкую дымку пыли, виднѣется море песковъ, протянувшееся отсюда до Лобъ-нора и Тарима и разрываемое въ одномъ только мѣстѣ Хотанскою рѣкою.

Мы круто спускались по каменнымъ ступенямъ внизъ на черную галечную равнину, за которой слѣдовала полоса камышей и такъ долго ожидаемая нами Яркендская рѣка. На берегу мы выбрали удобное мѣсто для остановки, и по всѣмъ правиламъ искусства разбили бивуакъ. Большая, сильная рѣка, съ мутною водою, несется съ неудержимой быстротой и постоянно подмываетъ берега. Камыши густы, а большія деревья, сбитыя съ берега и сбитыя вмѣстѣ, несутся цѣлыми плавнями и крутятся въ быстротѣ водъ. Подмытые берега обрываются съ шумомъ и пылью въ воду и уносятся вдаль. Не смотря на мутныя воды рѣки, мы были рады ей:

можно было купаться самимъ, выкупать лошадей, помыть бѣлье и, подневать, привести въ порядокъ караванное снаряженіе.

Приходъ нашъ на Яркендскую рѣку ознаменовался для насъ большимъ несчастіемъ. Въ 5 часовъ вечера, когда жара немного спала, мы отправились купаться; казаки пошли съ неводомъ ловить рыбу. Когда мы выкупались, Михаилъ Васильевичъ пошелъ въ палатку, а я отправился вверхъ по рѣкѣ, гдѣ происходила рыбная ловля. Вдругъ бѣжать на встрѣчу нанятый въ Аксу сартъ Хасимъ и кричить мнѣ „солдаты кетты“ и показывать въ воду. Недоумѣвая, я поспѣшилъ бѣгомъ къ мѣсту несчастія и увидѣлъ людей нашихъ растерянно стоящихъ на отмели. Отъ нихъ я узналъ подробности несчастія: закинули неводъ, корму котораго держалъ и заводилъ ефрейторъ лейбъ-Екатеринославскаго полка Иванъ Григорьевъ. Совершенно неожиданно для всѣхъ, вдругъ Григорьевъ опустился внизъ. Онъ оступился въ яму; сильное теченіе моментально закрутило его и увлекло внизъ. Люди, державшіе крылья невода, бросились на помощь, но ихъ отбрасывало теченіе. Разъ три показался Григорьевъ и скрылся на вѣки... Вѣчная память усердному товарищу!.. Тяжелое впечатлѣніе произвело на всѣхъ это событіе... Никто не могъ примириться съ удручающей мыслию, что лишились товарища при обстоятельствахъ, не позволявшихъ подать ему помощи.

Утромъ, 19-го, я приступилъ къ тщательному осмотру верблюдовъ. Они сильно похудѣли отъ жары, трудныхъ переходовъ черезъ перевалы Тянь-шаня и Кара-теке и отъ постоянно беспокоившихъ ихъ комаровъ, оводовъ и мухъ; послѣднія особенно неприятные враги; онѣ, кромѣ безпокойства, причиняемого своею назойливостію, кладутъ яйца въ ноздри и на сбитыя мѣста; вылупившіяся изъ яицъ личинки—бѣлые черви—углубляются въ тѣло, ѣдятъ его и причиняютъ страданія бѣднымъ животнымъ. Результатомъ осмотра было то, что мы выяснили себѣ общее плохое состояніе всѣхъ животныхъ; похудѣли въ значительной степени они всѣ, т. е. 86; изъ нихъ 44 имѣли, кромѣ того, еще какія нибудь поврежденія и не могли считаться удовлетворительными. Это обстоятельство заставило призадуматься, такъ какъ на этихъ животныхъ намъ надо было выходить всю экспедицію и возвратиться домой. Михаилъ Васильевичъ рѣшилъ нѣсколько измѣнить маршрутъ и направиться въ горы къ югу отъ Яркенда, чтобы покормить верблюдовъ, дать имъ отдохнуть, и переждать въ горахъ время сильныхъ жаровъ, которые и теперь уже насъ донимали. Въ песокъ термометръ показы-

валь 63° Ц. въ третьемъ часу дня, при несовсѣмъ чистомъ небѣ. Ко всѣмъ невзгодамъ надо добавить, что верблюдовъ донимали еще и клещи (*Ixodes* sp.), хотя въ небольшомъ сравнительно количествѣ; лошади тоже сильно похудѣли и были заморены. Вечеромъ солдаты сдѣлали тополевыя кресты и водрузили его на берегу, противъ того мѣста, гдѣ бурная стихія вырвала изъ среды ихъ товарища.

20 іюня мы покинули злосчастное мѣсто на Яркендской рѣкѣ. Дорога пошла не вдалекѣ отъ рѣки, къ горамъ, стоящимъ вправо. Здѣсь на одномъ мысу, спускавшемся въ рѣку, находится кладбище, съ разбросанными и разрушенными на половину древними мазарами. Немного далѣе—и знакомый намъ Мазаръ-тагъ остался позади насъ; горы отодвинулись, и на западъ долина расширилась. Отсюда на протяженіи 83-хъ верстъ, до кишлака и лянгера Аксакъ-Морала, мы шли то камышами, то лѣсомъ; очень часто пересѣкали сухіе и съ водою протоки Яркендской рѣки. Растительность здѣсь улучшилась и дошла до 27 видовъ. Кромѣ тограковъ, тамарисковъ и камыша, попадались цѣлыя площади кендыри (*Arcyuthum Venetum*) и усыпаннаго розовыми цвѣтами; послѣдніе съ жадностью поѣдались красивыми жуками, отливающими зелено-металлическимъ блескомъ, изъ семейства *Chrysomelidae* (листобѣдовъ). Многіе кусты и деревья обвивала, на подобіе плетя, *Cynanchum* sp., взбѣгая довольно высоко вверхъ и свѣшивая оттуда гирлянды съ своими блѣдно-розовыми цвѣтами. Скромная спаржа (*Asparagus* sp.) пряталась въ гущѣ вѣтвей тамариска и усыпанной желтыми ягодами обліпихи (*Halostachys caspica*) съ трудомъ подымалъ отъ земли свои неуклюжія, сочныя вѣтви. Въ протокахъ, кромѣ камыша, я нашелъ три вида рогозника, гордо вздымавшаго свои темныя бархатныя головки. Еще нѣсколько злаковъ и сложноцвѣтныхъ дополняли далеко не богатую флору этой мѣстности.

Такого вида орошенная полоса залегаетъ вдоль всего лѣваго берега Яркендской рѣки, до лянгера Аксакъ-Мораль, шириною въ 25 верстъ; дальше же идутъ далеко на западъ сплошныя барханы песковъ, которые иногда вдвигались рукавами и внутрь этой лѣсной полосы. По правому берегу рѣки идетъ такая же растительная полоса, только значительно гуще и шире, а за нею на востокъ потянулось безграничное царство песковъ. Много любопытнаго и невѣдомаго скрываютъ въ своихъ горячихъ нѣдрахъ эти пески. Много городовъ, прежде счастливыхъ, густо населенныхъ и цвѣтущихъ, погребено ими. Жители окраинъ этихъ песковъ рискуютъ иногда пускаться на поиски цѣнныхъ вещей, отрываемыхъ въ раз-

валинахъ древнихъ городовъ, засыпанныхъ песками, но уходить не далѣе 3—4 дней пути. Безграничность и таинственность невѣдомой и ужасной пустыни, ставшей кладбищемъ прежде роскошной страны, пугаетъ людей и не скоро придетъ то время, когда отважный европеецъ пересѣчетъ эти пески въ разныхъ направленіяхъ и покажетъ міру о тайнахъ, сокрытыхъ въ песочномъ океанѣ пустыни Такла-Макланъ — какъ зовутъ ее туземцы. Дикіе верблюды, кажется, единственные обитатели этой пустыни. Ближе къ рѣкѣ, по лѣсамъ и камышамъ, проложены тропы тигра, преслѣдующими здѣсь живущихъ кабановъ и мараловъ (олений). Тутъ же, по окраинѣ песковъ, изрѣдка встрѣчается легкая и пугливая антилопа; кромѣ того, волки, лисы, зайцы и мелкіе грызуны, водящіеся почти вездѣ. Въ протокахъ рѣки встрѣчается рыба и ею питающіеся змѣи. По вечерамъ жабы задаютъ концерты и, увлекаясь, продолжаютъ ихъ иногда до утра. Комары, овода, тарантулы и скорпионы не составляютъ рѣдкости. Отъ посѣщенія нашей палатки послѣдними, мы поливали кругомъ нея водою, но и это не всегда помогало. Противъ комаровъ устраивали иногда дымокуры изъ тамариска. Птицъ въ этой мѣстности мало, болѣе всего хищниковъ. Населеніе очень рѣдкое, живущее здѣсь только лѣтомъ со скотомъ въ тростниковыхъ сакляхъ; всѣ сарты, именующіе себя долонами.

22-го іюня пріѣхалъ къ намъ К. И. Богдановичъ, возвратившійся изъ своей геологической экскурсіи въ Кашгарскія горы. Результаты своей поѣздки онъ очень доволенъ¹⁾. Съ нимъ возвратился и казакъ Шестаковъ, ѣздившій съ нимъ, и еще двое проводящихъ изъ Яркенда.

На другой день, 23-го іюня, мы немного не дошли до деревни Аксакъ-Мораль и остановились на огромномъ арыкѣ, выведенномъ изъ Яркендской рѣки къ Мараль-баши, на сѣверо-западъ. Арыкъ этотъ несетъ массу воды въ Мараль-баши, въ помощь Кашгарской рѣкѣ, воды которой не хватаетъ на орошеніе ея низовьевъ. Всѣ ея воды остаются здѣсь и ни однимъ даже маленькимъ ручьемъ она никогда не доходитъ до Яркендской рѣки. Отъ Аксакъ-морала, вдоль арыка, идетъ большая дорога на Мараль-баши. Дорога, по которой мы шли въ Яркендъ, переходила по мосту на другую сторону арыка. Черезъ мостъ всѣ верблюды прошли благополучно. Отсюда, верстъ на 100 вверхъ по рѣкѣ, по нашему пути, мѣстность представляла немного иное, чѣмъ прежде. Здѣсь, при большой водѣ

¹⁾ См. ниже слѣдующую статью.

въ рѣкѣ, вся мѣстность должна заливаться водою, а потому въ мѣстахъ, наиболѣе подверженныхъ затопленію, устроены плотины, тинушія версты на 10 — 20 и болѣе; сдерживая бурные напоры воды, онѣ даютъ возможность, хотя подъ страхомъ, существовать немногимъ мѣстнымъ жителямъ и заниматься, кромѣ скотоводства, въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, и земледѣліемъ. Сакли здѣсь тоже частью витыя изъ прутьевъ, частью глиняныя. Дорогою стали часто попадаться сухія, пересыпанныя плотинами, русла протоковъ, изрѣзывающихъ мѣстность. Съ осушеніемъ протоковъ стала осыхать и мѣстность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и гибнуть вся растительность; стали попадаться мѣста съ вымирающими и вымершими уже тамарисками, тограками и камышами. Мертвые стволы тограковъ протягиваютъ свои высохшія вѣтви по различнымъ направленіямъ, какъ бы ища защиты отъ несправедливости человѣческой, лишившей ихъ воды. Исохшіе и выжженные тамариски и камыши хрустятъ подъ ногами. Почва рыхлая, глубокая пыль. Здѣсь лѣсная полоса значительно расширяется и уходитъ на западъ, къ пескамъ, версты на 50—60. Тигръ и кабанъ попадаются уже рѣже; за то чаще видно антилопъ и мораловъ. Скорпіоновъ много и на одномъ привагѣ нашъ наемный работникъ Хасимъ былъ укушенъ въ руку, но втираніе прованскимъ масломъ съ нашатырнымъ спиртомъ удалило всякую опасность.

Пройдя отъ Аесакъ-морала версты 90, нельзя было не замѣтить, что тограковый лѣсъ началъ рѣдѣть—его здѣсь сильно рубятъ на дрова, которыя возятъ на ишакахъ въ Яркендъ; населеніе становится гуще; много земли расчищается совершенно вновь подъ пашни; посажено много молодыхъ культурныхъ деревъ и дорога обсажена ивами, тополями и шелковицей. Отсюда собственно, по моему, слѣдуетъ считать начало Яркендскаго оазиса. Да и жители здѣсь всѣ больше изъ Яркенда же. Дикая флора уже замѣтно вытѣсняется культурной. По мѣрѣ приближенія къ Яркенду—а отсюда оставалось версты 60—70—населеніе замѣтно густѣло; фермы сближались; пашни пошли уже сплошь, за исключеніемъ мѣстъ неудобныхъ къ обработкѣ; трудно было выбрать мѣсто для бивуака, чтобы хотя краемъ не залѣзть куда нибудь въ пашню съ кукурузой или пшеницей. По дорогѣ, усаженной деревьями, встрѣчалось много проѣзжихъ на ишакахъ, конныхъ и пѣшихъ, мужчинъ и женщинъ; большинство послѣднихъ стыдливо прикрываются бѣлою чадру и, слегка открывая небольшое отверстіе, съ любопытствомъ поглядываютъ на караванъ иностранцевъ. Многія пользуются вѣ-

трома и даютъ ему откинуть всю чадру, какъ бы невзначай, чтобы показаться и пококетничать; приобѣгаютъ и къ другимъ уловкамъ, чтобы сдѣлать то же самое, но какъ бы не по своей волѣ; цѣлые караваны ишаковъ, нагруженныхъ дровами, соломой и какими-то иѣшками, направляются къ Яркенду и обратно, пустыне, или завьюченные покупками, сдѣланными въ городѣ. По сторонамъ, на пашняхъ, кипитъ дѣятельная работа по уборкѣ хлѣба, чтобы успѣть приготовить поле подъ второй посѣвъ; вторымъ посѣвомъ обыкновенно идетъ кукуруза. Жители здѣшніе преимущественно изъ Яркенда; нѣкоторые живутъ постоянно и имѣютъ постоянныя глиняныя фанзы, обсаженныя тополями и фруктовыми деревьями, и стоящія отдѣльно, или сбитыя въ кишлаки. Нѣкоторые же живутъ здѣсь только лѣтомъ, занимаясь земледѣліемъ и отчасти скотоводствомъ; живутъ въ постройкахъ самаго легкаго характера, иногда даже въ бесѣдахъ, обвитыхъ виноградомъ или тыквой, на зиму же уѣзжаютъ опять въ Яркендъ. По всей дорогѣ, начиная отъ Аксакъ-морала и до Яркенда, китайцы поставили потан, глиняныя вышки, замѣняющія наши верстовыя столбы; эти потан должны стоять на разстояніи 4 версты; на самомъ же дѣлѣ—гдѣ они стоятъ на 6 верстъ одинъ, гдѣ на двѣ; поэтому ими считать разстояніе пути нельзя. На лянтерахъ (станціяхъ), гдѣ до возстанія стояла китайская стража, вырѣзанная впослѣдствіи, стоятъ по числу убитыхъ китайцевъ тоже потан, только маленькія и замѣняютъ собою памятники по погибшимъ.

1-го іюля пріѣхали къ намъ навстрѣчу Янги-гисарскій аскакаль изъ Кашгара, по порученію консула Н. О. Петровскаго, который прислалъ намъ газеты и письма. Утромъ видѣли на западѣ громадный массивъ вѣчно снѣжныхъ горъ Мусъ-тагъ-ата; эти горы были отъ насъ на разстояніи около 200 верстъ, но озолоченные восходящимъ солнцемъ снѣга ихъ блестяли, не смотря на большое разстояніе, и манили къ себѣ. Поднявшаяся вскорѣ пыль завѣсила отъ насъ эту чудную картину.

2-го іюля кишлаки пошли уже сплошь. Дорога была очень многлюдна и напоминала скорѣе улицу въ большомъ городѣ. Едва нашли свободное мѣсто для остановки каравана—вся земля обработана. Нашъ бивуакъ всегда привлекалъ много зрителей, которыми дѣлались всѣ прохожіе и проѣзжіе по дорогѣ, какъ мужчины, такъ и женщины; а также стекались къ намъ и обыватели ближайшихъ кишлаковъ. Нужно всѣмъ имъ отдать справедливость: не смотря на великое любопытство увидать поближе иностранцевъ, они не

лѣзли къ намъ и, держась на почтительномъ разстояніи, глядѣли, сообщая другъ другу свои впечатлѣнія. Они всегда съ охотой помогали нашимъ людямъ выучить верблюдовъ и не отказывались отъ другихъ услугъ.

3-го числа, не доходя до Яркенда, мы были встрѣчены русскимъ аксакаломъ и торгующими въ городѣ русскими подданными сартами; ихъ было человѣкъ 15. Въ городъ съ такимъ большимъ караваномъ мы не заходили, а просили, чтобы насъ обвели стороной, подъ стѣнами его. Стѣны глиняныя, съ бойницами, вышиною до 4-хъ саженъ. Мы обходили городъ съ восточной и юго-восточной стороны. Налѣво отъ насъ, на востокъ, пошли нескончаемыя рисовыя поля, говорятъ, верстъ на 10—15, до Яркендской рѣки. Такія же поля охватываютъ городъ частью и съ южной стороны. Гнилыя испаренія даютъ о себѣ знать даже и нечувствительному носу. Обойдя городъ предмѣстьями, мы вскорѣ пришли къ дому кашмирскаго аксакала, гдѣ было приготовлено для насъ помѣщеніе. Здѣсь мы помѣстились довольно удобно и просторно; выюки и лошади были при насъ, а верблюдовъ пристроили недалеко шагахъ въ 200, на выжатомъ полѣ. Домъ кашмирскаго аксакала, въ которомъ мы теперь расположились, стоитъ внѣ стѣнъ города, на юго-восточной окраинѣ его. Онъ состоитъ изъ пяти довольно большихъ комнатъ и большого балкона, выходящаго въ садъ. Сосѣдняя съ балкономъ комната имѣетъ окно, выходящее въ садъ; большая оконная рама представляетъ затѣйливаго рисунка рѣшетку, оклеенную бумагою вмѣсто стеколъ, но свѣту въ комнатѣ, не смотря на это, вполне достаточно, потому что окно занимаетъ почти всю стѣну комнаты; въ ней поселился полковникъ Пѣвцовъ. Въ другихъ комнатахъ обязанности оконъ исполняли отверстія въ срединѣ потолка, или рѣшетка въ стѣнѣ подъ самымъ потолкомъ. Мы размѣстились совершенно свободно со всѣми людьми отряда. Выюки помѣстили въ саду, на площадкѣ передъ балкономъ; нужные ящики внесли въ комнаты. Лошадей поставили въ обширныя конюшни, находящіяся во второмъ дворѣ. Только верблюды были отдѣлены, но у нихъ находились по-очередно дежурные казаки. Въ саду бѣжитъ нѣсколько арыковъ и выкопанъ небольшой четырехугольный прудъ, обсаженный ивами и кленами; отъ балкона къ пруду идетъ колоннада пирамидальныхъ тополей; такими же садъ обсаженъ кругомъ, вдоль глиняныхъ его стѣнъ. Тутъ же, передъ балкономъ, тянется старый виноградникъ, съ висащими, но зелеными еще гроздьями. За виноградникомъ, направо, — фруктовое отдѣленіе сада;

тутъ растутъ: персики, абрикосы, груши, яблони и айва. Налѣво, за прудомъ, размѣщены гранатники, съ темною зеленью, изъ которой выглядываютъ фрукты и поздніе пурпурно-красные яркіе цвѣты, которые на востокѣ служатъ эмблемой женской красоты. Къ гранатамъ примыкаетъ прекрасно обработанный огородъ.

Русскіе сарты сдѣлали намъ визитъ, а въ 3-мъ часу аксакалъ предложилъ намъ завтракъ, состоящій изъ котлетъ, съ салатомъ изъ свѣжихъ огурцовъ, плова и цѣлаго зажареннаго барана. Мы подкрѣпились еще съ самаго прихода, а поэтому этотъ прекрасный завтракъ многое потерялъ въ нашихъ аппетитахъ. Утро 4-го началось у насъ осмотровъ верблюдовъ и лошадей. Больныхъ было много. Сильные жары были этому виною. Кромѣ сбиивъ и червей, у многихъ верблюдовъ разопрѣло подъ горбами и большія злоупотребленныя раны, съ ползающими червями, открывались глазамъ, если приподнять свѣсившійся горбъ. (Горбы стоятъ только у сытыхъ и здоровыхъ верблюдовъ; у больныхъ и истощенныхъ они падаютъ и свѣшиваются на сторону). Остановкой въ Яркендѣ мы пользовались, чтобы полечить несчастныхъ животныхъ. Послѣ осмотра верблюдовъ, аксакалъ привелъ къ намъ четырехъ ладакцевъ (жителей Ладака), которые могли, по его словамъ, сообщить намъ кое-что о Тибетѣ. Одинъ изъ нихъ былъ красивый, молодой и разговорчивый бойкій малый; двое другихъ не возбуждали симпатій своей затаенной молчаливостью и угрюмостью. Четвертый теперь постоянно живетъ въ Яркендѣ; онъ высокаго роста, лѣтъ около 50-ти. Несмотря на то, что онъ носитъ бѣлую чалму на головѣ и остальную одежду, ничѣмъ не отличающуюся отъ одежды яркендскихъ жителей, типъ его говорить довольно откровенно, что онъ принадлежитъ другой народности. Онъ 16 лѣтъ служилъ у убитаго въ Кашгаріи англичанина Дальглейша; въ 1885 — 1886 гг. вмѣстѣ съ своимъ баринкомъ участвовалъ въ путешествіи Кері. Теперь занимается въ Яркендѣ торговлей. Онъ много рассказывалъ о Тибетѣ, прилегающемъ къ Ладаку; причемъ говорилъ, что на востокѣ отъ Ладака страна населена ночевымъ народомъ, занимающимся грабежомъ и скотоводствомъ. Съ Ладакомъ у нихъ заключенъ договоръ, въ силу котораго всѣ ладакцы могутъ свободно посѣщать ихъ страну и вести въ ней торговлю. Всѣ же прочіе подвергаются нападеніямъ и рабству. По рассказамъ ладакцевъ, эти тибетцы очень похожи на еграевъ, съ которыми мы имѣли столкновение 7-го ноября 1879 г. на Тянь-ла. Ихъ внѣшность совершенно такая же; носятъ такіе же длинные волосы, такъ же подстригаютъ ихъ спереди; живутъ

въ такихъ же черныхъ палаткахъ; ходятъ всегда вооруженные и далеко уѣзжаютъ не иначе какъ по нѣсколькучеловѣкъ. Свѣдѣніи же о мѣстности, насъ наиболѣе интересующей, т. е. расположенной сѣвернѣе и восточнѣе, намъ собрать не удалось. Послѣ ладацевъ къ намъ пришли китайцы, до сихъ поръ не показывавшіеся. Помощники амбана, переводчики и еще кто-то, совершенно безцеремонно, въ своихъ домашнихъ костюмахъ, пришли къ намъ, чтобы собрать нужныя для нихъ свѣдѣнія, т. е. откуда, куда и зачѣмъ мы идемъ? Любопытство ихъ было удовлетворено и они ушли.

Слѣдующіе три дня мы знакомились понемногу съ городомъ. Полковникъ Пѣвцовъ ѣздилъ одинъ, съ переводчикомъ и казакомъ, съ визитомъ къ амбану. Козловъ, Богдановичъ и я были приглашены аксакаломъ въ гости, куда на обратномъ пути отъ амбана заѣхалъ и Михаилъ Васильевичъ. Мы прогостили 4 часа. Съ истинно азіатскимъ радушіемъ продержалъ насъ такъ долго у себя аксакалъ, угощая все время то сладостями, то чаемъ, то разными кушаньями. Комната, въ которой онъ насъ принималъ, была устлана хотанскими коврами, съ рисунками затѣйливой восточной фантазіи. Въ стѣнахъ нѣсколько не глубокихъ нишъ было заставлено древнимъ китайскимъ фарфоромъ, разнообразными чиншиами (родъ кальяна), часами; былъ тутъ и сломанный музыкальный ящикъ и множество разныхъ восточныхъ бездѣлушекъ. Въ одной изъ стѣнъ была входная дверь и лѣвѣе ея каминъ. Направо въ другой стѣнѣ, была дверь съ навѣшеннымъ замкомъ, ведущая въ помѣщеніе женъ. Потолокъ представлялъ нѣсколько выпрѣзанныхъ красивымъ барельефомъ балокъ, поперекъ которыхъ настланы вилотную деревянныя струганныя планки, шириною въ 1½ вершка. Въ срединѣ потолка квадратное, въ аршинъ, отверстіе, служащее проводникомъ свѣта извнѣ; другихъ оконъ нѣтъ. Зимомъ это отверстіе покрывается, а горящій каминъ освѣщаетъ комнату слабымъ мерцающимъ огнемъ. Посрединѣ комнаты для насъ былъ приготовленъ большой столъ, застланный чистою скатертью и уставленный множествомъ различныхъ восточныхъ сластей: обсахаренными и простыми орѣхами, фисташками, миндалемъ, изюмомъ, какини - то пряниками, оружубой, дынями, абрикосами, персиками и многими другими сладостями, которыхъ не умѣю назвать, потому что видѣлъ въ первый разъ. Закармливаніе насъ сладостями, пловомъ, пильменами и проч. довело насъ почти до полусоннаго состоянія; гнѣ было подняться. Все завершилось чаемъ изъ чайника и русскаго самовара работы „братьевъ Лапиныхъ въ Тулѣ“.

Назадъ мы ѣхали тою же дорогой, полутемными базарами, узкими и грязными, прикрытыми сверху цыновками отъ солнца. Пестрая толпа раздвигалась, чтобы пропустить насъ. Нагруженные ишаки, верховые и пѣшіе люди, покупатели, продавцы, муллы, нищіе, китайцы, женщины, ребятишки—все это шумить, суетится, кричить. На прилавкахъ всякіе товары; булочные заведенія, кухни въ полномъ ходу, обдавая искрами прохожихъ; трактиры и закусочныя съ спертымъ воздухомъ; самоваръ-ханы, устланнныя коврами; китайскія лавки, съ выглядывающими любовницами магометанками, которыхъ по нѣсколько заразъ держатъ у себя китайцы; цирюльни, въ которыхъ на глазахъ прохожихъ брѣютъ головы правовѣрнымъ; ржаніе жеребцовъ, крики ишаковъ, говоръ людей—все смѣшалось въ одинъ общій гамъ. На этихъ базарахъ кипитъ настоящая жизнь Востока. Сюда приходятъ представители всѣхъ смежныхъ странъ: недалеко уже Индіи, Ладака, Кашмира, Тибета, Бадахшана и нашего Туркестана; не говорю о китайцахъ—они хозяева страны. Всѣ они несутъ сюда произведенія своихъ странъ, которыя раскиданы по канамъ (прилавкамъ) лавокъ; всѣ они приносятъ сюда слухи и сплетни издалека, которые, подъ именемъ „хабера“, съ быстротою лучшаго телеграфа, распространяются въ отдаленные города Кашгаріи. Болѣе крупныя народности имѣютъ здѣсь свои караванъ-сарай и выборныхъ представителей—аксакаловъ, которые разбираютъ ихъ спорныя и торговныя дѣла, а также имѣютъ сношенія съ китайскими властями, въ дѣлахъ большой важности, или касающихся цѣлой колоніи.

Я ѣздили въ городъ съ Богдановичемъ и тремя казаками, чтобы снять общій видъ города; сдѣлали 6 снимковъ. Для этого мы поднялись на вышку, устроенную въ восточной части городской стѣны. Вышка эта командуетъ почти надъ всѣмъ городомъ и съ нея открываются довольно далекіе горизонты. На востокъ зеленѣютъ безконечныя рисовыя поля, разбитыя на правильные квадраты и залитыя водою. На западъ, югъ и сѣверъ далеко раскинулся городъ со своими кишлаками и садами. Зубчатая городская стѣна то скрывалась въ зелени деревьевъ, то снова кой-гдѣ показывалась. Нечислимныя глиняныя сакли тянутся и прячутся другъ за друга въ безпорядкѣ, или тонутъ въ мягкой зелени ивъ и абрикосовъ. На плоскихъ крышахъ ихъ жизни не менѣе, чѣмъ внутри. Лѣтомъ тутъ спятъ, работаютъ, чистятъ хлопокъ, сушатъ фрукты, принимаютъ гостей, пьютъ, играютъ на инструментахъ, даже пляшутъ. Многіе защищены отъ жгучаго солнца растущими возлѣ огром-

ними тѣнистыми абрикосами, раскидывающими свои густыя вѣтви шатромъ надъ ними. На многихъ крышахъ устроены цвѣтники, засаженные цвѣтущими бархатцами, ноготками и астрами, которыми такъ любятъ украшать себя мѣстныя красавицы, влетая изъ на вискахъ, среди блестящихъ густыхъ черныхъ волосъ.

Вблизи вышки, гдѣ я устроился съ фотографіей, къ сѣверу, расположено у самой городской стѣны молчаливое магометанское кладбище, со своими полуразвалившимися глиняными мазарами, испещренными массою норъ ящерицъ и какихъ-то, должно быть, грызуновъ; окружено оно такою же полуосыпавшеюся глиняной стѣною; вѣтеръ колышетъ волосаные бунчуки, выставленные на длинныхъ, искривленныхъ сухостью и солнцемъ палкахъ. За ними множество высокихъ, пирамидальныхъ тополей, разбросанныхъ по всему городу и оазису, придаетъ много красоты общему виду; они иногда группируются по нѣсколько въ одномъ мѣстѣ, или растягиваются грандіозной колонадой, или стоятъ въ одиночку.

Городъ Яркендъ собственно состоитъ изъ двухъ частей: мусульманской и китайской, называемой Янгишари (новый городъ); обѣ онѣ стоятъ совершенно рядомъ, примкнувши другъ къ другу. Стѣны мусульманской части, или, какъ говорятъ здѣсь, города, вмѣщаютъ въ себѣ до 35.000—40.000 жителей, два большихъ базара, нѣсколько мечетей и при нихъ высшія, среднія и низшія школы, въ которыхъ преподаются арабскій и персидскій языки, изучается коранъ и прочая восточная мусульманская премудрость. Улицы города грязныя, узкія, съ ѣдкимъ запахомъ. По обѣимъ сторонамъ улицы танутся различной вышины глиняныя стѣны; за ними возвышаются плоскокрышія сакли; никакихъ оконъ на улицу не полагается; сюда выходятъ только входныя двери, изъ-за которыхъ всегда почти блестятъ чьи-то черные глаза, слышится сдержанное хихиканіе и шопотъ, а иногда видѣтъ и край цвѣтного чапана, нарочно, можетъ быть, выставленнаго, чтобы привлечь вниманіе проезжаго. Впрочемъ, далеко не всѣ женщины и дѣвушки прячутся; многія, у которыхъ не ревнивый мужъ, или не злая какая нибудь старуха мать, довольно свободно останавливаются въ раскрытыхъ дверяхъ и смотрятъ на иностранца съ любопытствомъ, дѣлая улыбки и закусывая концы рукавовъ чапана своими бѣлыми крупными зубами. Взгляды эти искоса, не смѣлы, но лукавы и, во всякомъ случаѣ, не враждебны. Мальчишки, наполовину нагіе, надѣлаютъ своей назойливостью, слѣдуя по пятамъ лошади и забѣгая впередъ съ протянутыми темными рученками, прося денегъ.

Все населеніе города состоитъ изъ яркендскихъ сартовъ, или яркендлыковъ, какъ зовутъ они сами себя; о болѣе отдаленномъ происхожденіи своемъ они не имѣютъ никакого представленія и, на вопросы, только и отвѣчаютъ, что они „мусульманъ“ и „яркендлыкъ“. По улицамъ встрѣчается много женщинъ и мужчинъ съ зобами. Болѣзнь эту объясняютъ дурной водой, бѣгущей по аркамъ города и употребляемой жителями въ пищу въ сыромъ видѣ, Болѣзнь начинается съ наступленіемъ половой зрѣлости у мужчинъ и съ выходомъ въ замужество у женщинъ. Жители города занимаются торговлей и кое-какимъ мелкимъ производствомъ, а также садоводствомъ и земледѣліемъ въ окрестныхъ кишлакахъ. Ничѣмъ особеннымъ Яркендъ не славится; онъ ничего такого не производитъ, чего бы нельзя достать въ другомъ мѣстѣ, въ родѣ юрковъ и шелка въ Хотанѣ, или металлическихъ издѣлій въ Аксу.

Яркендъ построенъ 500 лѣтъ тому назадъ; игралъ прежде роль столицы, теперь самый населенный городъ Кашгаріи и служить центромъ всей привозной торговли страны.

Китайскій городъ, Янги-шарі, окруженный двойной стѣною, встроены недавно. Въ случаѣ возстанія народнаго, онъ долженъ защитить китайцевъ отъ ярости ненавидящей ихъ толпы, постоянно мечтающей прогнать китайцевъ. Въ немъ постоянно живетъ китайскій амбанъ, управляющій округомъ, прочіе чиновники—китайцы, 2 манзы войскъ и ихъ офицеры и купцы. Кромѣ того сарты—купцы, пристроившіеся здѣсь съ своей торговлей въ новомъ базарѣ. Какъ мусульманскій, такъ и китайскій города окружены садами. Всѣ сады эти въ общемъ похожи на садъ кашмирскаго аксакала, гдѣ жили мы; растительность оазиса довольно богата и разнообразна, что особенно ласкаетъ глазъ, если попадаешь сюда прямо изъ пустыни. Туземцы любятъ разводить въ садахъ и на крышахъ своихъ сакаль культурные и цвѣточные растенія; розы, мальвы, ноготки, бальзамины, бархатцы, астры и пр. На поляхъ, кромѣ специальныхъ рисовыхъ плантацій, сѣютъ пшеницу, ячмень, кукурузу, просо, джугару (сорго), хлопокъ, ленъ, идущій только на веревки; конопля, немного мака (чаще на огородахъ). Около домовъ и въ садахъ устраниваютъ бесѣдки, обвитыя тынкою, или виноградомъ. Послѣдній часто разводится цѣлыми плантаціями; его множество сортовъ идетъ на домашнее употребленіе въ сыромъ и сухомъ видѣ, а частью идетъ въ продажу. На бакчахъ и огородахъ много прекрасныхъ дѣнь, арбузовъ, капусты, луку, чесноку, огурцовъ, немного картофеля, моркови, петрушки и пр.

Прожили мы въ Яркендѣ пять дней и на шестой (8-го іюля) должны были трогаться въ путь далѣе. Утромъ рано 8-го іюля, собравшись еще наканунѣ вечеромъ, начали выючить своихъ верблюдовъ; вещи приходилось выносить со двора и за воротами уже ихъ выючить, что заняло довольно времени; въ началѣ восьмого, мы выступили въ путь. До рѣки, на разстояніи 14 верстъ, мы шли между рисовыхъ полей; иногда попадались небольшіе кышлаки. Въ 10 часовъ утра мы пришли на рѣку и начали свою переправу на каюкахъ, которыхъ числомъ было всего шесть.

Рѣка въ этомъ мѣстѣ имѣетъ совершенно пологій берегъ, выстланный мелкою галькою; ширина ея около полуверсты; теченіе мутныхъ ея водъ очень быстрое. Переправляли по 6-ти верблюдовъ, при одномъ человѣкѣ, на каждомъ каюкѣ. Привычные перевозчики, почти нагіе, дѣйствовали веслами съ примѣрнымъ искусствомъ, такъ что въ три часа времени весь нашъ большой караванъ былъ уже доставленъ на другой берегъ, гдѣ, въ полуверстѣ отъ переправы, мы раскинули бивуакъ подлѣ протока рѣки. Здѣсь насъ покинулъ добрый и хорошій старикъ сартъ Линджакъ, бывший все время при насъ въ Яркендѣ. Аксакалъ простился тоже, но не совсѣмъ; онъ хотѣлъ насъ догнать еще въ Каргалыкѣ, гдѣ у него было свое личное дѣло. Мы же держали свой путь къ горамъ, чтобы тамъ откормить изможденныхъ жарами и другими напастями нашихъ несчастныхъ животныхъ, которыя должны въ будущемъ сослужить намъ большую службу.

На этомъ я пока прерываю свое сообщеніе. Путь же нашъ въ горы, результаты нашего въ нихъ пребыванія и дорогу черезъ Хотанъ, Керію въ Нію, я опишу съ зимней нашей стоянки.

Б. Профессору И. В. Мушкетову

отъ К. Богдановича.

Горы къ югу отъ Яркендскаго озаниса 4 августа 1889 г.

6 мая, какъ Вамъ извѣстно, я выѣхалъ изъ Пржевальска въ селеніе Атъ-Баши, къ югу отъ Нарына, откуда, снарядившись, съ однимъ казакомъ и двумя проводниками, любезно предоставленными мнѣ Нарынскимъ воинскимъ начальникомъ г. Ларіоновымъ, отправился 11 мая по большой караванной дорогѣ въ Кашгаръ.

13 мая я пріѣхалъ на Чатыръ-куль, у котораго въ четырехъ-пяти верстахъ отъ восточнаго берега и расположился со своею пртой.

14 мая съ утра я отправился на верховья Аксая и прослѣдилъ его теченіе до впаденія рѣки Терекъ. На обратномъ пути въ этотъ же день на низкомъ водораздѣлѣ между Аксаемъ и Чатырь-кулемъ насъ застигъ страшный буранъ, подъ которымъ и пришлось заночевать въ открытомъ полѣ, напрасно проискавъ юрту до поздней ночи. Снявшись на другой день съ берега Чатырь-куля (высота озера по гипсотермометру 12.549 футъ; T кипѣнія воды $= 88,5^{\circ}$ при t воздуха $10,5^{\circ}$ и $4,8^{\circ}$), мы благополучно прослѣдовали до самаго Кашгара, куда и прибыли 19 мая.

Въ Кашгарѣ я узналъ, что проѣхать по р. Гези едва ли удастся вслѣдствіе наступившаго уже лѣтняго разлива воды, и такъ какъ въ Кашгарѣ я не могъ найти подходящихъ людей для предстоящаго труднаго перехода черезъ Кашгарскія горы, то, заручившись китайскимъ билетомъ, я отправился въ Янги-Гиссаръ, гдѣ, благодаря дѣятельному содѣйствію нашего консула въ Кашгарѣ Н. Ф. Петровскаго, были уже наняты для меня 3 человека съ 4 лошадьми. Здѣсь я узналъ, что по Гези нельзя пройти и выбралъ путь къ озеру Малому Кара-кулю черезъ перевалъ Кара-ташъ. Изъ Янги-Гиссара я выѣхалъ 25 мая¹⁾.

26 мая, по сравнительно хорошей дорогѣ, по рѣчкамъ Клинъ-колъ и Риджекъ²⁾ мы достигли подножія перваго перевала Риджекъ-даванъ³⁾ (отъ 14 до 15 т. футъ⁴⁾, $T=86,5^{\circ}$). Мягкій, но чрезвычайно крутой на подъемѣ (мѣстами до 50°) перевалъ этотъ оказался не подъ силу двумъ изъ моихъ вьючныхъ лошадей. Пришлось бросить вьюки и лошадей, и только на другой день съ помощью нарочно нанятыхъ киргизовъ, удалось провести лошадей и вывезти вьюки. За переваломъ на протяженіи 35 верстъ дорога идетъ сначала внизъ по рѣчкѣ Чатъ-су и затѣмъ вверхъ по Кара-ташъ-су до подножія перевала Кара-ташъ черезъ горную группу Мустагъ-ата. И безъ того трудная дорога на этомъ переходѣ весною усугублялась еще необходимостью идти возможно быстрѣе, чтобы достигнуть подножія перевала далеко до заката солнца, такъ какъ къ этому времени воды въ рѣчкахъ Кара-ташъ-су прибываетъ втрое, а дорога между тѣмъ вѣется все время то однимъ бере-

¹⁾ Маршрутъ г. Богдановича можно прослѣдить по картѣ, приложенной въ концѣ этого тома Извѣстій.

²⁾ По транскрипціи д. чл. Б. Л. Громбчевскаго — Гиджекъ. Ред.

³⁾ См. предыдущее прижѣваніе. Ред.

⁴⁾ Высота перевала Гиджекъ, вычисленная д. чл. Д. Д. Гедеоновымъ, по даннымъ д. чл. Б. Л. Громбчевскаго $= 18190$ ф. Ред.

гомъ, то другимъ. Желая по возможности облегчить себѣ переходъ черезъ перевалъ Кара-ташъ, который по справедливости считается труднѣйшимъ во всякое время года на всей восточной окраинѣ Памира, я нанялъ въ послѣднемъ киргизскомъ кочевьи, у самого подножія перевала, двухъ людей съ 4 кутасами (домашніе яки) для подъема моихъ вьюковъ. Погода намъ благоприятствовала, и 28 мая мы благополучно прошли черезъ перевалъ (118 верстъ отъ Янги-Гиссара). Точка кипѣнія воды $84,75^{\circ}$ при t воздуха $= 7^{\circ}$, что соотвѣтствуетъ высотѣ около $17\frac{1}{2}$ тысячъ футовъ¹⁾. Снѣга на самомъ перевалѣ было немного, главнѣйше же на восточномъ склонѣ; въ жаркое время года снѣгъ на перевалѣ становится иногда совершенно. Наиболѣе тяжелая часть перевала, это—спускъ къ сторонѣ Кара-куля; дорога идетъ здѣсь (больше 20 верстъ) косогоромъ по гигантскимъ осыпамъ между двумя частями группы Мустагъ-ата, раздѣленными глубокимъ ущельемъ Ики-бель-су. 29 мая, пройдя мимо южного берега озера Малаго-Кара-кули ($T=88,3^{\circ}$ при $t=15^{\circ}$; соотвѣтствуетъ высотѣ около 12.600 футовъ)²⁾, мы достигли подножія западнаго склона южной части группы Мустагъ-ата. 30 мая я совершилъ экскурсію на ледники Мустагъ-ата, поднявшись вдоль самаго большого ледника этого склона до высоты 17 тысячъ футовъ ($T=85^{\circ}$ при $t=7^{\circ}$). Ледникъ этотъ названъ мною именемъ Н. М. Пржевальскаго. Въ тотъ же день черезъ перевалъ Улугъ-рабатъ мы спустились въ вершину долины Тагармы. Здѣсь мы узнали, что по Яркендъ-дарьѣ, кромѣ пѣшеходныхъ горныхъ тропинокъ, другихъ дорогъ нѣтъ; весной, возлѣ Кусераба, Чашмана и другихъ немногихъ селеній по этой рѣкѣ ее переѣзжаютъ только рано утромъ на привычныхъ верблюдахъ, а съ первыхъ чиселъ іюня, обыкновенно до конца іюля, переѣхать рѣку въ бродъ становится невозможнымъ. Такъ какъ время моего прибытія въ Яркендъ для соединенія со всей экспедиціей было определено отъ 6 до 10 іюня, и въ виду совершенной невозможности въ это время года заняться изслѣдованіемъ средняго теченія Яркендъ-дарьи, я рѣшилъ пройти въ Яркендъ черезъ перевалы Кокъ-Муйнакъ и Чичиклигъ, изучивъ такимъ образомъ лишь самую среднюю часть Кашгарскихъ горъ. 1 іюня мы поднялись на Кокъ-Муйнакъ ($T=85,4^{\circ}$ при $t=9^{\circ}$; соотвѣтствуетъ высотѣ около 16.900 футовъ); до Чичиклига спускъ идетъ полого по циркообразной вер-

¹⁾ 16.340 ф. Громбчевскій-Гедеоновъ. Ред.

²⁾ 12.210 ф. Громбчевскій-Гедеоновъ. Ред.

шинѣ этой части Мустагъ-ата, а съ Чичиклика начинается быстрый спускъ по рѣчкѣ Торбаши. За переваломъ Чегиль-Гумбездъ (13 тысячъ футовъ) дорога идетъ по рѣчкамъ Чаарлинъ и Канзъ; дальше черезъ перевалы Кара-даванъ (11 тысячъ футовъ) и Кызыгъ-даванъ дорога выходитъ на рѣчку Арпалнкъ-су, идетъ (25 верстъ) по бесплодной каменистой степи и послѣднія 30 верстъ до Яркенда по культурному оазису. Часть этого пути отъ Чичиклика до перевала Кара-даванъ представляетъ особенныя трудности для движенія весной и лѣтомъ. Громадные камни и высокая вода по всѣмъ рѣчкамъ мѣстами настолько затрудняютъ движеніе, что приходится предоставлять лошадямъ выбиратьъ самимъ, а людямъ—пробираться либо по глубокой водѣ, либо по крутому берегу. Наконецъ, при подъемѣ на перевалъ Кара-даванъ приходится вьюки переносить на рукахъ, а лошадей выводить отдѣльно по крутому скалистому откосу.

Усталые, на совершенно разбитыхъ лошадяхъ, мы прибыли въ Яркендъ 7 іюня, сдѣлавъ въ 14 дней путь въ 457 верстъ отъ Янги-Гиссара до Яркенда по самымъ убійственнымъ горнымъ дорогамъ. Въ Яркендѣ я остался въ ожиданіи прихода всей экспедиціи полковника Пѣвцова, чтобы вмѣстѣ продолжать путь дальше въ Тибетъ.

Выполнить всю, намѣченную Вами, программу ¹⁾ моей экскурсіи въ Кашгарскія горы мнѣ не удалось исключительно лишь вслѣдствіе неблагоприятнаго времени года, какимъ представляется здѣсь лѣто и конецъ весны. Обиліе дождей лѣтомъ (съ первыхъ чиселъ іюня до конца іюля) на сѣверо-восточномъ склонѣ Мустагъ-ата и сильное таяніе снѣговъ въ то же время на юго-западномъ склонѣ вызываютъ огромную прибыль воды во всѣхъ вершинахъ Тарима. До перехода черезъ Кара-ташъ въ горахъ дожди шли ежедневно (25, 26 и 27 мая); на западномъ склонѣ Мустагъ-ата погода все время стояла ясная. Съ 1 іюня, когда мы снова перевалили на восточный склонъ горъ, сильные дожди преслѣдовали насъ ежедневно до самаго Яркенда.

Хотя мною пройдена лишь самая средняя часть Кашгарскихъ горъ, полоса длиною всего въ 100 верстъ, но и на этомъ протяженіи мнѣ удалось констатировать замѣтное различіе въ высотѣ залеганія снѣга на NO и SW склонахъ этихъ горъ. Нужно замѣтить, впрочемъ, что мои указанія относятся къ снѣгу еще стаиваю-

¹⁾ См. ниже. Приложение къ настоящему письму: Научныя desiderata etc.

чему въ самое жаркое время года. На NO склонѣ я встрѣтилъ значительныя толщи сплошного снѣга, начиная съ высоты 14—15 тысячъ футовъ (перевалъ Риджекъ), тогда какъ на SW склонѣ Мустагъ-ата линія сплошного снѣга поднималась значительно выше 17½—18 тысячъ футовъ; на такой же высотѣ линія сплошного снѣга проходитъ и по вершинамъ горъ, отдѣляющихъ верховыя Яркендъ-дары отъ верховій Аксая. Такая огромная разница въ высотѣ снѣжной линіи на NO и SW склонахъ Кашгарскихъ горъ ко времени поздняго лѣта, однако, должна уменьшиться, вслѣдствіе обилія лѣтнихъ дождей на NO склонѣ.

Группа Мустагъ-ата представляетъ собою то поднятіе, которымъ опредѣляется различіе въ климатическихъ отношеніяхъ NO и SW склоновъ такъ называемыхъ Кашгарскихъ горъ. Высота этой горной группы во всѣхъ ея частяхъ далеко превосходитъ наибольшую высоту снѣжной линіи, и естественно, что атмосферныя осадки выпадаютъ здѣсь на большихъ высотахъ всегда въ формѣ снѣга. Здѣсь имѣются всѣ условія для возможности накопленія снѣга на вершинахъ этой горной группы, и при одинаковыхъ топографическихъ условіяхъ SW и NO ея склоновъ можно было бы ожидать на послѣднемъ гораздо большихъ накопленій снѣга, а слѣдовательно, и развитія ледниковъ. Лишь рѣзкому различію топографическихъ условій слѣдуетъ приписать исключительное развитіе ледниковъ по SW склону группы Мустагъ-ата и совершенное отсутствіе ихъ на NO склонѣ. Въ силу указанныхъ климатическихъ и орографическихъ отношеній вся группа Мустагъ-ата покрыта сплошнымъ снѣговымъ покровомъ, представляющимъ на пространствѣ между такъ называемыми пиками Мустагъ-ата, къ сѣверу и къ югу отъ Малаго Кара-куля, грандіознѣйшія фирновыя поля, совершенно закрытыя съ восточной стороны и открывающіяся къ западу цѣлымъ рядомъ громадныхъ ледниковъ. Такихъ фирновыхъ полей можно различить ясно двѣ группы, раздѣляющіяся какъ разъ по линіи перевала Кара-ташь и ущелья Ики-бель-су и соответствующія двумъ главнымъ частямъ группы Мустагъ-ата. Высота залеганія этихъ фирновыхъ полей далеко превосходитъ 20 т. футовъ; ледники спускаются до высоты 13—14 т. футовъ (ледникъ Пржевальскаго до высоты 13 т. фут., $T = 87,7^{\circ}$); длина наиболѣе значительныхъ ледниковъ не превосходитъ шести верстъ. Ледники, спускающіяся съ центральнаго фирноваго поля, быть можетъ, даже общаго для всѣхъ, въ южной части группы Мустагъ-ата я могъ насчитать шесть. Сѣверная часть группы Мустагъ-ата представляетъ

еще большее развитіе ледниковъ. Кромѣ ледниковъ, берущихъ начало съ центральныхъ фирновыхъ полей, по всему юго-западному склону группы Мустагъ-ата разбѣяно еще большее число висячихъ ледниковъ, спускающихся изъ сравнительно незначительныхъ цирковъ, расположенныхъ иногда на громадной высотѣ (23—24 т. фут.), почти подъ самой вершиной выдающихся пиковъ Мустагъ-ата. Отличительная черта для всѣхъ ледниковъ, это—крутое паденіе, достигающее для нѣкоторыхъ, напр., ледника Пржевальскаго на всемъ протяженіи 20—30°. Трециноватость льда, какъ поперечная, такъ и продольная достигаетъ на нѣкоторыхъ ледникахъ крайняго развитія, такъ что поверхность ледника (ледникъ Пржевальскаго) представляется въ видѣ рядовъ грамадныхъ, острыхъ ледяныхъ пирамидъ. Толщина льда оцѣнивается десятками сажень. Нѣкоторые изъ ледниковъ двигаютъ свои конечныя морены гораздо ниже старыхъ моренъ.

На сѣверо-восточномъ склонѣ группы Мустагъ-ата присутствіе старыхъ моренъ и форма долинъ ясно указываютъ на присутствіе ледниковъ нѣкогда и здѣсь, притомъ ледниковъ значительныхъ размѣровъ, не спускавшихся, однако, ниже 13 тысячъ футовъ, несмотря на выгодныя къ тому топографическія условія. Значеніе Мустагъ-ата, какъ выдающагося ледниковаго центра, гораздо больше въ современную намъ эпоху, чѣмъ въ минувшую; по крайней мѣрѣ на SW склонѣ Мустагъ-ата отъ перевала Кара-танъ до Тагармы я не наблюдалъ такихъ слѣдовъ старыхъ ледниковъ, которые для объясненія ихъ заставляли бы предполагать измѣненія общихъ климатическихъ условій страны; напротивъ того, нахожденіе старыхъ моренъ въ перемежку съ моренами двигающимися и притомъ спускающимися обыкновенно гораздо ниже старыхъ—должно объясняться причинами частными, для каждаго случая, быть можетъ, даже иными. Крупная разница въ степени прежняго развитія ледниковъ SW и NO склона Мустагъ-ата, ихъ совершенное отсутствіе на NO склонѣ въ настоящее время—говорятъ уже противъ возможности распространенія на обширной территоріи вліянія причинъ такихъ измѣненій. Здѣсь встаетъ будетъ замѣтить, что лёсъ Кашгара и Яркенда представляется мнѣ типичнѣйшимъ эоловымъ осадкомъ въ смыслѣ Рихтгофена.

Не останавливаясь въ подробностяхъ на описаніи геологическаго строенія и состава такъ называемыхъ Кашгарскихъ горъ по двумъ полученнымъ мною разрѣзамъ: 1) Янги-Гиссаръ—Малый Кара-куль и 2) Тагарма-Яркендъ, я укажу лишь на нѣкоторые выводы, есте-

ственно вытекающие из собранного мною материала, при условии полной осторожности обращения с нимъ.

Горная группа Мустагъ-ата представляетъ грандіозное поднятіе гнейсовъ, въ самой серединѣ прикрывающихъ граниты. Я изслѣдовалъ эту группу до высоты большей 17 т. фут. и *in situ* гранитовъ не наблюдалъ; о присутствіи гранитовъ въ самой серединѣ поднятія я заключаю лишь по обильному, мѣстами исключительному, нахожденію гранитныхъ валуновъ въ мощныхъ конгломеративныхъ отложеніяхъ NO склона Мустагъ-ата къ югу отъ перевала Чичикликъ.

Внимательное изученіе структуры гнейсовъ Мустагъ-ата показало исключительное развитіе въ нихъ простиранія NW—SO отъ 7 до 10 h, которое проявляется какъ въ направленіи гнейсовой структуры, такъ и въ простираніи слоевъ гнейса.

Согласно съ этимъ направленіемъ замѣчается и общее направленіе всей группы этихъ горъ, представляющихъ лишь замѣтное уклоненіе къ западу въ центральной ихъ части, къ югу отъ малаго Кара-куля, гдѣ гранитной грядой Улугъ-рабатъ группа Мустагъ-ата сливается съ гранитными хребтами, составляющими древній водораздѣлъ верховій Аксай и Яркендъ-дары (Сарыкольскія горы). Мощное вздутіе гнейсовъ въ средней части Мустагъ-ата переходитъ къ SO на Кокъ-Муйнакъ въ болѣе спокойное поднятіе. Продолженіе гранитно-гнейсового поднятія Мустагъ-ата, а можетъ быть и параллельное ему поднятіе представляютъ граниты Кусераба (на Яркендъ-дарѣ), прикрыты мощной толщей доломитовъ и кварцитово-глинистыхъ сланцевъ, переходящихъ въ углистые съ залежами каменнаго угля. Толща углистыхъ сланцевъ далеко продолжается къ NW и была еще раньше встрѣчена мною по дорогѣ къ перевалу Кара-ташъ (Риджекъ-даванъ); ближе къ массиву Мустагъ-ата сланцы обнаруживаютъ сильную метаморфизацію, выразившуюся въ выдѣленіи различныхъ минеральныхъ веществъ (гранатового, эпидотового). Сланцы эти слагаютъ вдоль NO склона Мустагъ-ата рядъ хребтовъ съ болѣе или менѣе правильнымъ NW — SO простираніемъ. На параллели Кара-таша сланцы эти къ востоку сѣняются плотными сѣрыми песчаниками (развитіе подчиненное), къ которымъ уже примыкаютъ третичные гипсоносные песчаники Янгиссара. На параллели Яркенда углистые сланцы сѣняются мощной свитой плотныхъ красныхъ и сѣрыхъ (отчасти гипсоносныхъ) песчаниковъ и оолитовыхъ пахучихъ известняковъ съ подстилающими ихъ глинистыми сланцами; третичные гипсоносные и соле-

носные песчаники (красноватые и сѣрые) слагаютъ послѣднія гряды горъ къ западу отъ Яркенда. Свита этихъ осадочныхъ образованій имѣетъ много общаго съ одной стороны съ свитой породъ западныхъ отроговъ Куэнь-луня къ сѣверу отъ перевала Санджу¹⁾ а съ другой—съ отложениями, развитыми на Памирѣ и Гиндукушѣ²⁾; наконецъ и по сравненію съ Тянь-шаньскими, какъ увидимъ это ниже, можно предположить для оолитовыхъ известняковъ и прикрывающихъ ихъ красныхъ песчаниковъ возрастъ палеозойскій (девонскій), а для угленосныхъ сланцевъ—мезозойскій (юрскій). Свиту оолитовыхъ известняковъ и прикрывающихъ ихъ песчаниковъ Столичка относилъ къ триасу, основываясь лишь на сравненіи ихъ съ Тянь-шаньскими осадками, именно къ югу отъ Чатыръ-куля; а какъ разъ на этомъ же основаніи отношу ихъ къ девону.

Простираніе породъ и хребтовъ отъ Кокъ-Муйнака до Яркенда повсюду NW—SO отъ 7¹/₂ до 10h, въ одномъ мѣстѣ до 13³/₄h. Третичные песчаники Янги-Гиссара обнаруживаютъ простираніе NO—SW 5h; стратиграфическія отношенія сланцевыхъ хребтовъ между перевалами Риджекъ и Кара-ташъ необыкновенно запутаны; при преобладающемъ NW—SO простираніи, какъ слоевъ, такъ и сланцеватости породъ здѣсь нерѣдки простиранія почти NS (NO—SW¹/₂h), почти OW (NW—SO 6¹/₂h) и NO—SW отъ 3¹/₂ до 5 h. NW простираніе мѣстами обнаруживается въ тонкой сланцеватости сланцевъ при простираніи слоевъ ихъ NW—SO 9h; эта ложная сланцеватость усиливается по мѣрѣ приближенія къ Мустагъ-ата до такой степени, что возлѣ перевала Кара-ташъ совершенно затемняетъ истинную слоеватость. Тутъ же направленіе отдѣльности сланцевъ NO—SW 2h и направленіе вертикальныхъ трещинъ—OW, но интересно, что рядомъ въ гнейсахъ на Кара-ташѣ это направленіе вовсе не обнаруживается (направленіе слоевъ и сланцеватости гнейсовъ на Кара-ташѣ NW—SO 7¹/₂—10—10¹/₂h; направленіе отдѣльности—NO—SW 3h); и вообще, въ гнейсахъ Мустагъ-ата направленій NS простиранія мнѣ не удалось наблюдать ни разу. Давленіе, которое стремилось такъ или иначе привести породы къ меридіанальному направленію, тѣмъ не менѣе мѣстами отразилось и на массивѣ Мустагъ-ата, проявляясь въ SO его части на Кокъ-Муйнакѣ мѣстнымъ измѣненіемъ направ-

¹⁾ Stoliczka. Records of the Geological Survey of India. 1874, Vol. VII. part 2. стр. 49.

²⁾ Ивановъ, Записки И. Минералог. Общ., ч. XXII, 1886 г.

ленія NW—SO 9—10h до NW—SO 11¹/₄; по рядомъ съ этимъ на Кокъ-Муйнакъ замѣчается развитіе кристаллическихъ и сланцеватыхъ породъ съ простираніемъ OW. Что касается направленія NO—SW, то въ центральной части Мустагъ-ата (т. е. къ сѣверу отъ Кокъ-Муйнака), оно обнаруживается въ развитой отдѣльности гнейсовъ и системъ трещинъ, напр., на перевалѣ Кара-ташъ и къ югу отъ перевала Улугъ-рабатъ. Наконецъ, то же направленіе, или вѣрнѣе почти OW, выразилось en grand въ цѣломъ рядѣ сдвиговъ разбившихъ центральную часть массива Мустагъ-ата на двѣ части (ущелье Икибель-су, по которому идетъ спускъ съ перевала Кара-ташъ къ малому Кара-кулю) и каждую изъ нихъ на цѣлый рядъ вершинъ, причемъ сдвиги эти замѣтно ограничиваются лишь SW склономъ массива, вовсе не достигая (въ настоящее время, послѣ періода энергичной денудации), гранитныхъ конгломератовъ NO склона. Это между прочимъ топографическая причина, ограничивающая современное развитіе ледниковъ лишь на SW склонѣ Мустагъ-ата; всѣ ледники здѣсь спускаются, какъ разъ по линіямъ сдвиговъ.

Часть Кашгарскихъ горъ къ сѣверу отъ долины р. Геза и долина этой рѣки должны были остаться, къ сожалѣнію, не изслѣдованными; мнѣ удалось лишь констатировать развитіе на NO склонѣ этихъ горъ, между Кашгаромъ и Янги-Гиссаромъ, OW и NO—SW направленій простиранія и присутствіе тамъ образований, нестрѣченныхъ больше вдоль Мустагъ-ата, именно мергелей съ грифами (Gyrphaea Kaufmani?). Быть можетъ, такіа же отложенія встрѣчены были Столичкой къ сѣверу отъ перевала Санджу въ Куэнь-Лунѣ. Столичка предполагалъ ¹⁾, что мергели эти слагаютъ и гряды къ западу отъ Яркенда; я могу констатировать ихъ отсутствіе тамъ. Мергели, эти, по всей вѣроятности не распространяются южнѣ Янги-Гиссара. Ивановъ ²⁾ упоминаетъ о развитіи круто поднятыхъ палеозойскихъ известняковъ въ части Кашгарскихъ горъ возлѣ Маркана, слѣдовательно опять таки объ отложеніяхъ чуждыхъ собственно Мустагъ-ата. И эти немногія данныя даютъ уже нѣкоторое основаніе предполагать въ долинѣ Геза рѣзкую границу массива Мустагъ-ата, ограниченного здѣсь, быть можетъ, такимъ же, какъ и вышеупомянутые, сдвигомъ OW направленія, но поперекъ всего массива, и развитіе къ сѣверу отъ долины Геза складокъ алайскаго типа.

¹⁾ I. с., стр. 61.

²⁾ I. с.

Изъ всего сказаннаго естественно вытекають слѣдующіе выводы.

1) Горная группа Мустагъ-ата представляетъ гранитно-гнейсовый массивъ въ направленіи NW—SO (9h), который орографически былъ уже явственно выдѣленъ ко времени поднятія какъ Памирскихъ (OW и NO—SW), такъ и Куэнь-луньскихъ (NW—SO) складокъ (спѣшу оговориться, что я понимаю здѣсь лишь западные отроги Куэнь-луньскихъ складокъ). Поднятіе послѣднихъ должно было выразиться лишь въ болѣе рѣзкомъ обособленіи SO продолженія этого массива и въ сліяніи его съ западными отрогами Куэнь-Луньскихъ складокъ. Поднятіе Памирскихъ складокъ выразилось въ нѣкоторомъ измѣненіи строенія гнейсового массива Мустагъ-ата, въ орографическомъ его расчлененіи и въ рѣзкомъ ограниченіи его съ NW стороны, гдѣ долиной рѣки Геца отдѣляется, по всей вѣроятности, собственно массивъ Мустагъ-ата отъ настоящихъ алайскихъ складокъ.

2) Меридіанальныхъ поднятій на восточной окраинѣ Памира, въ Кашгарскихъ горахъ, нѣтъ. Рѣдкіе случаи проявленія NS простиранія ограничиваются лишь областью осадочныхъ породъ, притомъ ближе къ сѣверо-западной окраинѣ массива Мустагъ-ата, и объясняются каждый разъ столбновеніемъ поднятій OW, или NO—SW, съ NW—SO.

Путь мой отъ озера Чатырь-куля до Кашгара былъ уже обстоятельно описанъ Столичкой¹⁾ и я укажу лишь на нѣкоторыя новыя данныя, которыя необходимо имѣть въ виду и при общихъ заключеніяхъ о строеніи этой части Тянь-шаня.

Тянь-шань отъ озера Чатырь-куля до Кашгара понижается, какъ извѣстно, тремя уступами; изъ нихъ ближайшій къ Кашгару проявляется въ видѣ цѣпи Артышской, сложенной изъ рыхлыхъ третичныхъ красныхъ и сѣрыхъ песчаниковъ, перемежающихся съ рыхлыми конгломератами; паденіе породъ на NW, и ближе ко второму уступу (цѣпь Кокъ-танъ) онѣ прикрыты несогласно мощной толщей плотныхъ красно и темно-бурыхъ конгломератовъ, падающихъ также на NW. Къ сѣверу отъ пикета Ахча выступаетъ мощная толща плотныхъ, темно-сѣрыхъ, слегка пахучихъ доломитизированныхъ известняковъ; толща этихъ известняковъ (паденіе на NW), вверху перемежающихся съ зеленоватыми и красноватыми сланцами и плотными красноватыми песчаниками, составляетъ второй уступъ Тянь-шаня—цѣпь Кокъ-танъ. Къ сѣверу отъ кишлака Чонгъ-

¹⁾ 1. c. Vol. VII, part 3, стр. 81—86.

Терекъ, слѣдовательно въ томъ же мѣстѣ, гдѣ Столичка нашелъ въ этихъ известникахъ тріасовыя окаменѣлости, я встрѣтилъ въ нихъ обильную фауну коралловъ (*Lithodendron* Столички), строматопоръ и мшанокъ (*Seripora* Столички) вмѣстѣ съ *Atrypa reticularis*, *Atrypa latilinguis*, *Atrypa aspera*, *Spirifer Verneuli* и другими самыми типичными представителями фауны верхняго девона. Несомнѣнному верхне-девонскому известняку Столичка ошибочно приписалъ тріасовый возрастъ. Сланцы, прикрывающіе эти известняки, принимаютъ обширное развитіе возлѣ Чокмака, переслаиваясь здѣсь мѣстами съ свѣтлыми доломитами и красными песчаниками; они изогнуты здѣсь въ рядъ крутыхъ стоячихъ складокъ. Столичка правильно отнесъ ихъ къ палеозойскимъ, ошибаясь лишь въ отношеніи ихъ къ известнякамъ, такъ какъ сланцы эти залегаютъ выше девонскихъ известняковъ. Сланцы Чокмака, съ крутымъ паденіемъ на SO, слагаютъ сѣверный склонъ цѣпи Кокъ-танъ, за которымъ начинается широкое пониженіе Тянь-шаня къ перевалу Туругартъ черезъ третій уступъ, хребетъ Кара-теке или Терекъ. Южный склонъ этого хребта сложенъ изъ плотныхъ, красныхъ крупнозернистыхъ песчаниковъ и кварцитовыхъ конгломератовъ, переслаивающихся съ черными глинистыми сланцами. Паденіе всей свиты на NW. За переваломъ Туругартъ, уже на сѣверномъ склонѣ, появляются свѣтлые доломиты и плотные сѣрые известняки, согласно падающіе на NW. Послѣдніе относятся несомнѣнно къ тѣмъ же девонскимъ отложеніямъ, что и известняки цѣпи Кокъ-танъ. Свиту кварцитовыхъ котломератовъ и песчаниковъ Столичка ошибочно принялъ, повидимому, за третичныя отложенія. Можно лишь догадываться о возрастѣ болѣе новомъ доломитовъ, кварцитовыхъ конгломератовъ и песчаниковъ сравнительно съ девонскими известняками, а слѣдовательно и объ опрокинутомъ ихъ положеніи.

Къ южному склону Туругарта примыкаютъ настоящіе третичныя красныя и сѣрыя песчаники и котломераты съ крутымъ паденіемъ на SO; уже возлѣ пикета Туругартъ они измѣняютъ свое паденіе въ пологое однообразное сѣверо-западное и заполняютъ низкими грядами все широкое пониженіе между Туругартомъ и цѣпью Кокъ-танъ вдоль долины Тоюна. Изгибъ, который образуетъ хребетъ Кара-теке вдоль южнаго берега Чатыръ-буля, захватываетъ лишь древнія породы Туругарта и полоса третичныхъ отложеній долины Тоюна, какъ замѣтилъ еще Столичка, суживается къ западу. Въ 15 верстахъ къ югу отъ перевала Туругартъ появляются среди третичныхъ песчаниковъ первые выходы вулканической по-

роды, непрерывно продолжающіеся на разстояніи 35 верстъ до слиянія рѣкъ Суёка и Тоюна. Вулканическая порода эта, повидимому, вѣрно была опредѣлена Столичкой за долеритъ. Въ 15 верстахъ отъ Туругарта выходы ея появляются въ видѣ отдѣльныхъ сопокъ (А) вдоль широкой долины Тоюна; дальше, внивъ по долинѣ, выходы ея правильно чередуются въ видѣ грядъ (В) съ грядами третичныхъ песчаниковъ и въ новомъ расширеніи долины Тоюна, въ мѣстности Балгынъ-Бащи (С), достигаютъ наибольшаго развитія. Здѣсь обнаруживаются они въ видѣ значительнаго поднятія, разорваннаго въ настоящее время долиною Тоюна; толщи темнаго долерита чередуются съ красными и бѣлыми слоями древнихъ вулканическихъ туфовъ и замыкаются со всѣхъ сторонъ третичными песчаниками, сильно измѣненными вулканическимъ дѣйствіемъ. Къ слиянію Суёка и Чоюна выходы долеритовъ становятся болѣе рѣдкими и появляются только промежуточными толщами между слоями плотныхъ третичныхъ песчаниковъ. Повсюду долериты и ихъ туфы обнаруживаютъ правильную пластовую отдѣльность съ однообразнымъ паденіемъ на NW, согласно съ третичными песчаниками. Топографическій характеръ расположенія массовыхъ выходовъ долерита по долинѣ Тоюна ясно указываетъ, что въ верхней части долины (А и В) они произошли въ видѣ лаколитовъ, а въ Балгынъ-Бащи (С)—въ видѣ массоваго изліянія (Ueberquellen des Magma's), но не въ формѣ вулкана. Описанное Столичкой (l. с., стр. 83) какъ бы перекинальное паденіе слоевъ есть чисто кажущееся явленіе и зависитъ отъ сильнаго изогнутія здѣсь рѣчной долины; на самомъ дѣлѣ паденіе долеритовъ сохраняется все время на NW. При ближайшемъ разсмотрѣніи выходовъ долерита (А), нетрудно было замѣтить, что толщи его вѣдрались, какъ между слоями третичныхъ песчаниковъ, такъ и въкрестъ имъ, слѣдовательно, проявляются и въ формѣ жилъ.

Сѣверныя гряды цѣпи Кара-теке, ближайшія къ Чатырь-кулю, сложены изъ плотнаго кварцитаго песчаника, который тянется далеко въ долину Аксая, сохраняя все время паденіе на SO. Эти же песчаники и съ тѣмъ же паденіемъ тянутся и вдоль южнаго склона цѣпи Кара-Коинъ, ограничивающей Чатырь-куль съ сѣвера; здѣсь они примыкаютъ снова къ девонскимъ известнякамъ и глинистымъ сланцамъ съ подстилающими ихъ метаморфическими сланцами и кристаллическимъ известнякомъ. Къ востоку отъ Чатырь-куля къ кварцитовымъ песчаникамъ примыкаютъ значительныя толщи рыхлыхъ темно-бурыхъ конгломератовъ, состоящихъ и водо-

раздѣлъ между долинами Чатырь-куля и Аксая. Конгломераты образованы исключительно обломками сѣраго известняка и свѣтлаго доломита (также кристаллическаго известняка) и приподняты на водораздѣлѣ съ паденіемъ на NW, согласно съ общимъ простираніемъ цѣпей. Типичныхъ при Тянь-шаньскихъ красныхъ песчаниковъ и перемежающихся съ ними конгломератовъ ни въ долинѣ Чатырь-куля, ни въ долинѣ Аксая (до рѣки Терекъ) я не наблюдалъ.

Конгломераты водораздѣла долинъ Чатырь-куля и Аксая идентичны съ конгломератами, несогласно прикрывающими красные третичные песчаники цѣпи Артышской. Образование Чатырь-куля обусловлено было дислокаціей, нарушившей залеганія и этихъ новѣйшихъ конгломератовъ. Весьма вѣроятно, что это совпало съ эпохой наиболѣе напряженной дислокаціи третичныхъ породъ и одновременнымъ выходомъ вулканическихъ образований.

Если принять во вниманіе—а) распространеніе вулканическихъ породъ Тоюна только на площади третичныхъ отложеній между Туругартомъ и Кокъ-таномъ и б) однообразную дислокацію вулканическихъ породъ и третичныхъ песчаниковъ, то изъ всего изложеннаго само собою вытекаетъ

1) что самый фактъ появленія здѣсь вулканическихъ породъ вызванъ широкой дислокаціей, обусловившей уступный характеръ южнаго склона Тянь-шаня; и

2) что выходы вулканическихъ породъ не имѣли никакого существеннаго значенія на орографію данной мѣстности, главнѣйшія черты которой зависятъ отъ расположенія древнихъ породъ.

Приложеніе къ письму И. К. Богдановича.

Научные desiderata, предложенныя предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи Физической Географіи И. Р. Г. О. профессоромъ И. В. Мушкетовымъ геологу Тибетской экспедиціи К. И. Богдановичу.

Такъ какъ Тибетская экспедиція предполагаетъ снарядиться въ г. Пржевальскъ и направится черезъ Тянь-шань на Яркендъ, то въ виду этого маршрута было бы желательно, чтобы геологъ экспедиціи совершивъ боковыя экскурсіи въ долину Тоюна и на восточный склонъ Памира для вырѣшенія слѣдующихъ задачъ, имѣющихъ важное значеніе для познанія Памира и Тянь-шаня.

1. На пути изъ Нарына мимо оз. Чатырь-куль, перевалъ Туругартъ, до-

лину Тоюна въ Кашгару интересны два пункта: 1—Низкій перевалъ между долиною Аксея и Чатырь-кулемъ и 2—Вулканическая область Тоюна. Что касается перваго, то желательно было бы опредѣлить геологическій составъ самаго перевала: дѣйствительно ли красныя третичныя песчаники и конгломераты съ гипсомъ продолжаютъ непрерывно отъ Чатырь-куля въ долину Аксея и каковъ ихъ стратиграфическій характеръ?

Что касается долины Тоюна, то несмотря на посѣщеніе ея многими путешественниками, до сихъ поръ остается невыясненнымъ характеръ ея замѣчательной вулканической области, впервые указанной г. Столича. Очевидно, массовые выходы вулканическихъ породъ здѣсь нарушаютъ правильность Тянь-шанскихъ складокъ и производятъ, такъ сказать, орографическую путаницу. Судя по живущимся у меня образцамъ, по описанію Столича и моимъ наблюденіямъ NW—ѣ Тоюна, можно думать, что породы тамъ однородны (андеритоваго тѣна) и залегаютъ онѣ на подобіе лаконитовъ, переходящихъ въ жилы. Внимательное изученіе этой интересной и для Тянь-шаня почти единственной потухшей вулканической области не только разъяснило бы значеніе этого рода образованій для орографіи данной мѣстности, но и вообще для Тянь-шаня, помимо того, что было бы важно вообще познакомиться съ новыми вулканическими породами Тянь-шаня, которыми нигдѣ въ другихъ частяхъ Тянь-шаня не проявляются въ такомъ развитіи. Изслѣдованіе этой области важно еще и въ другомъ отношеніи. Такъ какъ идея о соединеніи третичнаго Ханхайскаго моря съ Ферганскимъ и Туркестанскимъ, высказанная мною много лѣтъ тому назадъ, въ послѣдствіи подтвердилась другими изслѣдователями, то можно думать, что появленіе вулканическихъ изверженій Тоюна совпадаетъ или съ эпохой соединительнаго пролива черезъ Суѣкъ или съ концомъ его существованія въ періодъ напряженія дислокаціи, обусловившей поднятіе третичныхъ отложеній до 3000—10000 ф. надъ уровнемъ современнаго моря.

2. Въ области Памира восточныя и западныя окраины ея наименѣе извѣстны; но особенно большой интересъ представляетъ восточная окраина, потому что, кромѣ малой извѣстности ея, на нее еще со времени путешествія Костенко перенесенъ былъ меридіанальный Болоръ Гумбольдта, отсутствіе котораго въ системѣ Тянь-шаня, гдѣ помѣщать его Гумбольдтъ, давно доказано. Присутствіе меридіанальнаго крыжа на восточной окраинѣ Памира, фигурирующаго на новѣйшихъ картахъ подъ именемъ хр. Кизиль-артъ или Кашгарскаго хребта, утверждалось только на основаніи однихъ вѣдѣній орографическихъ признаковъ, рассматриваемыхъ только издали и не подтверждаемыхъ ни точною съемкою, ни тѣмъ паче—надлежащей критикою тектоники.

Между тѣмъ мои изслѣдованія характера и направленія дислокаціи во всей системѣ Тянь-шаня и сѣвернаго Памира до озера Кара-куля, а также данныя Памирской экспедиціи 1888 г. не только не даютъ никакого основанія для признанія меридіанальнаго Кизиль-арта, но, напротивъ, заставляютъ совершенно отрицать его, тѣмъ болѣе, что новѣйшія изслѣдованія г. Громбчевскаго доказываютъ орографическую сложность даже знаменитой группѣ Мустагъ-ата, съ которою онъ познакомился ближе, чѣмъ кто либо изъ его предшественниковъ. Для рѣшенія этого вопроса необходимы ближайшія геологическія изслѣдованія хотя бы только средней части во-

сточной окраины Памира, а именно долины Гёза, группы Мустыг-ата и средней части долины Яркендъ-дарьи.

Въ долинѣ Гёза отъ г. Кашгара до озера Булунъ-куль и Малый Кара-куль, вѣроятно, можно прослѣдить всю свиту Памирскихъ отложений: отъ лёсса Кашгаринъ—третичные красные песчаники и конгломераты, мѣлони ферганскія глины, песчаники и известняки, угленосные юрскіе песчаники и конгломераты, можетъ быть, триасовые известняки съ *Megalodon Triquetus*, горные и девонскіе известняки, мощную толщу кристаллическихъ сланцевъ до гнейсовъ и гранитовъ. Внимательное изученіе стратиграфическихъ особенностей всѣхъ этихъ образований, а также характера и направленія дислокаціи не только осадочныхъ породъ, но и гранито-гнейсовъ, гдѣ она, вѣроятно, выражается сланцеватостью и трещинами въ отдѣльности такъ же отчетливо, какъ и въ другихъ частяхъ Тянь-шаня и Памира, дастъ положительный матеріалъ для сужденія о тектоникѣ восточной окраины Памира, а значитъ и для рѣшенія вопроса, о существованіи на ней меридіанальныхъ поднятій и самостоятельности меридіональнаго крыжа.

3. Самый видный орографическій пунктъ въ восточной окраинѣ Памира несомнѣнно колоссальная группа Мусъ-тагъ-ата. Всѣ путешественники видѣли ее только издали и ближе всѣхъ подходилъ Громбчевскій. О природѣ ея мы почти ничего не знаемъ; нѣсколько образцовъ породъ, находящихся въ моемъ распоряженіи изъ окрестностей Мусъ-тагъ-ата, даютъ нѣкоторое основаніе предполагать, что эта горная группа представляетъ одинъ изъ древнихъ гранитовыхъ массивовъ на подобіе Тянь-шаньскихъ: Манаса, Ханъ-Тегри и др., но очень можетъ быть, что онъ сложенъ изъ какихъ либо болѣе новыхъ вулканическихъ образований. Желательно было бы изслѣдовать составъ его хотя бы до $\frac{2}{3}$ его абсол. выс., т. е. до 16000—17000 ф., что, вѣроятно, возможно и незатруднительно сдѣлать изъ долины Кара-куля, имѣющей около 13000 ф. выс. Изученіе этой группы привело бы, во-первыхъ, къ познанію состава ея и древности; во-вторыхъ, къ уясненію значенія ея для дислокаціи Памира вообще и восточной окраины его въ особенности; въ-третьихъ, къ выясненію Мусъ-тагъ-ата, какъ выдающагося ледниковаго центра; а рѣшѣнію едва ли справедливы мнѣнія, высказываемыя нѣкоторыми путешественниками, что на Мусъ-тагъ-ата находятся только маленькіе фирновые ледники.

4. Если къ изслѣдованію долины Гёза и Мусъ-тагъ-ата прибавить изслѣдованіе долины Яркендъ-дарьи въ томъ же отношеніи, какъ и долины Гёза и спустаться, если возможно, по ней съ Памира до Яркендской караванной дороги, то геологическій составъ восточнаго Памира настолько выяснится, что, вѣроятно, вопросъ о направленіи дислокаціи его и меридіанальныхъ поднятій можетъ быть рѣшенъ болѣе или менѣе положительно. Кажущійся меридіанальный хребетъ восточной окраины Памира можетъ обусловливаться, во-первыхъ, заворотомъ NO складокъ и столкновеніемъ ихъ между собой вслѣдствіе нарушенія правильности ихъ древними гранитовыми массивами или выходами новыхъ вулканическихъ породъ; во-вторыхъ, массивнымъ сгибомъ и тогда Кизилъ-артъ представитъ дизъюнктивный хребетъ; и въ-третьихъ, складчатостью въ меридіанальномъ направленіи. Изъ этихъ трехъ предположеній наиболѣе вѣроятно первое, по крайней мѣрѣ на основаніи существующихъ свѣдѣній. Ваши изслѣдованія въ указанныхъ направленіяхъ должны рѣ-

рѣшить всѣ сомнѣнія о тектоникѣ восточной окраины Памира, а слѣдовательно и о меридіанальномъ кражѣ, а потому я придаю имъ весьма важное значеніе для познанія орологіи Памира. Разумѣется, если удастся изслѣдовать площадь большую, чѣмъ выше указано, а особенно осмотрѣть нефритовыя копи, открытыя Громбчевскимъ въ урочищѣ Пиль на Раскентъ-дарѣ, то это еще лучше и результаты будутъ еще положительнѣе.

б. Что касается геологіи Тибета, то почти при полной неизвѣстности ея, каждый шагъ тамъ будетъ новъ и интересенъ, а потому выдѣлять какія бы то ни было спеціальныя задачи едва ли нужно.

6. Въ заключеніе замѣчу только, что при возвращеніи съ Тибета черезъ восточный Тянь-шань, по моему мнѣнію, самое интересное и плодотворное пересѣченіе Тянь-шаня было-бы по меридіану знаменитой горной группы Богдо-оло или Богдо-ула, которая считалась Гумбольдтомъ главнымъ центромъ вулканической области его—Бишбадгъ.

II. ЭКСПЕДИЦІЯ КАПИТАНА Б. Л. ГРОМБЧЕВСКАГО НА ПАМИРЫ.

На обширной площади Памировъ и окаймляющихъ ихъ горныхъ хребтовъ столько еще осталось неизвѣданнаго европейскими путешественниками, что Совѣтъ И. Р. Г. О. съ живѣйшимъ удовольствіемъ осведомился о готовности д. чл. Б. Л. Громбчевскаго заняться изслѣдованіемъ западной, наименѣе извѣстной, части этой горной страны и оказалъ ему посильное содѣйствіе къ осуществленію предпріятія.

Ниже сообщаемъ выдержки изъ писемъ г. Громбчевскаго къ вице-предсѣдателью И. Р. Г. О. П. П. Семенову.

Урочище Мазаръ въ Алайскихъ горахъ. 2 іюня 1889 г.

„Вотъ уже второе іюня, а я еще не выбрался въ долину Большого Алая, хотя стою близко къ перевалу. Весна нынѣшняго года наступила на цѣлый мѣсяцъ позже обыкновеннаго и движеніе мое въ Исфайрамскому ущелью совпало съ половодьемъ рѣчки. Всѣ мосты сорваны, сообщеніе прервано и намъ приходится подчасъ прокладывать дорогу по кручамъ или возстановлять сорванные мосты. Зима нынѣшняго года была необыкновенно холодная и снѣжная. Горы положительно завалены снѣгомъ. Весна также стояла все время холодная и снѣгъ большими массами началъ таять только за послѣднюю недѣлю. Двигаемся по направленію къ Алтынъ Мазару, на Мукъ-су, чтобы черезъ какой-нибудь изъ переваловъ во-

сточнѣе или западнѣе ледника Федченко выйти на истоки Ванча и обследовать излучину Пянджа".

Крѣпость Кала-и-Хумъ, столица Дарваза. 9 іюля. 1889 г.

Изъ послѣдняго письма, писаннаго изъ урочища Мазаръ, Вы могли ожидать, что я давно уже на Памирахъ. Въ дѣйствительности же я только теперь добрался до Кала-и-Хума.

Необыкновенное количество снѣга, выпавшаго въ зиму нынѣшняго года въ горахъ къ югу отъ Ферганы и сравнительно поздняя весна сильно затруднили движеніе по р. Исфайрамъ. Въ долину Большого Алая, къ Дараутъ-кургану я вышелъ только 7-го іюня.

Тутъ выяснилось изъ разспросовъ, что Кошъ-агылскій перевалъ, южнѣе ледника Федченко, ведущій прямо черезъ Заалайскій хребетъ на истоки Ванча, непроходимъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ вслѣдствіе громаднхъ трещинъ, которыя далъ этотъ ледникъ и, кромѣ того весь Заалайскій хребетъ настолько заваленъ снѣгомъ, что до переваловъ Янги Давана или Тохта Горума раньше августа добраться немисливо.

Не довѣряя показанію туземцевъ, я оставилъ вьюки подъ Дараутъ курганомъ и самъ отправился изслѣдовать проходы въ Кудару. Рѣку Мукъ-су я засталъ въ полномъ разливѣ, а впереди висился Заалайскій хребетъ, сплошь заваленный снѣгомъ отъ вершини до основанія. Переправившись на лѣвый берегъ рѣки Мукъ-су съ величайшею трудностью, я въ пяти верстахъ отъ берега рѣки уже вынужденъ былъ остановиться, встрѣтивъ сплошныя массы снѣга мягкаго и поздреватаго. Снѣгъ не выдерживалъ лошади безъ вьюка. Отовсюду изъ подъ снѣга вырывались цѣлыя рѣки мутной воды. Нигдѣ ни слѣда тропинки. Видно, что ни человекъ, ни звѣрь не пытались пока пройти этою дорогою.

Убѣдившись окончательно въ невозможности пробраться этимъ путемъ въ настоящее время въ Кудару, я вынужденъ былъ повѣрить заявленію Алайскихъ киргизъ, что другой путь—черезъ перевалъ Кызыль-Артъ, мимо озера Большого Каракула—тоже еще не открытъ. Оставалось спуститься въ Каратегинъ и идти кружнымъ путемъ черезъ Дарвазъ.

Въ виду вышеизложеннаго я 14-го іюня перешелъ границу Каратегина, постепенно собирая коллекціи, спустился къ зимовью Муйнакъ, откуда перешелъ на лѣвый берегъ р. Кызыль-су и черезъ зимовье Джилянды, озеро Яшилъ-куль и перевалъ Гардани-Кафтаръ спустился въ Вахию, предполагая пройти вверхъ по теченію р. Оби-

Хингау до селенія Арзынгъ, откуда черезъ переваль Сытарги спуститься въ селеніе Сытаръ, на верховьяхъ Ванча. Но правитель нижней и верхней Вахин, Шады-Мирза-Бекъ явился лично въ мой лагерь и заявилъ, что переваль Сытаръ вообще трудно проходить, а въ настоящее время закрыть даже для пѣшеходовъ. Пришлось идти на Кала-и-Хумъ, такъ какъ и другой переваль Узхарфъ—тоже оказался закрытымъ. Переправившись на лѣвый берегъ рѣки Оби-Хингау, выше селенія Леджуркъ (Лажуръ) и спустившись внизъ вдоль рѣки до селенія Гунъ-Дара, я, черезъ непройденный еще нѣкимъ переваль Гутонъ, пришелъ въ селеніе Гутонъ, откуда внизъ по р. Хумъ-объ, 5 іюля прибылъ въ Кала-и-Хумъ.

Городъ этотъ лежитъ въ глубокой котловинѣ на правомъ берегу р. Пянджа, нѣсколько выше впаденія въ него р. Хумъ-Объ (на нашихъ картахъ крѣпость неправильно показывалась на правомъ берегу р. Хумъ-Оба, она расположена на лѣвомъ берегу этой рѣки, въ мѣстѣ соединенія ея съ р. Пянджемъ). Не смотря на относительно большую абсолютную высоту (около 4500 ф.) окружающія горы такъ раскаляются за день солнцемъ, что въ 9—10 ч. вечера термометръ показываетъ $+30,^{\circ}$, $31,^{\circ}$ Ц., а „термометръ minimum“ не спускается ниже $+20^{\circ}$ Ц. По заявленію туземцевъ, зимы здѣсь менѣе суровы, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Бухарскаго ханства. Такъ, напримѣръ, виноградъ и винная ягода на зиму не закрываются, тогда какъ они укутываются на зиму не только въ Самаркандѣ и Ферганѣ, но и въ Бухарскомъ ханствѣ.

Затѣмъ поразило меня обиліе здѣсь русской мѣдной монеты копѣечнаго и двухкопѣчнаго достоинства, чекана преимущественно 1750-хъ годовъ, находящейся здѣсь во всеобщемъ употребленіи подъ общимъ названіемъ „пайса“ съ подраздѣленіями, смотря по чекану, на „Назаръ-Бай“, „Ходжи-Кабири“ и др. Монету чекана послѣдѣ 1827 года я не нашелъ и наша мѣдная монета новаго чекана здѣсь не въ употребленіи, равно какъ и бухарскіе мѣдные „чоки“.—По заявленію туземцевъ „пайса“ въ повсемѣстномъ обращеніи не только въ Дарвазѣ, но и въ Кулябѣ, въ другихъ же горныхъ бекствахъ восточной Бухары не принимается. Интересенъ фактъ, что туземцы, привыкшіе всѣ явленія общественной жизни связывать съ именами своихъ великихъ завоевателей, глубоко убѣждены, что монету эту ввелъ у насъ Чингизъ-ханъ и къ заявленію моему, что это русская монета, даже мѣстные ученые отнеслись съ полнымъ недоумѣніемъ.

Въ Кала-и-Хумѣ мы узнали, что въ одномъ переходѣ выше по

теченію р. Пянджа бывшимъ недавно землетрясеніемъ обрушило часть горы, причѣмъ на протяженіи около одной версты разрушило балконную дорогу по берегу р. Пянджа. Вслѣдствіе этого сообщеніе съ Ванчемъ прервано, но мѣстный бекъ, узнавъ о намѣреніи моемъ направиться вверхъ по теченію р. Пянджа, принялъ энергическія мѣры къ возстановленію дороги и надѣется, что въѣзъ мой можно будетъ перенести на рукахъ.

До сихъ поръ мною опредѣлена широта 4-хъ пунктовъ и измѣрена высота 30 точекъ.

Въ верховьяхъ Аксу. 11 сентября 1889 г.

Изъ Кала-и-Хума я отправился вверхъ по р. Пянджу до Ванча, гдѣ въ двухъ дняхъ дороги отъ моей стоянки разыгрывалась кровавая драма — захвата афганцами Шугнана и Рошана. Живя противъ Джумарча, я вошелъ въ сношенія съ афганскимъ главнокомандующимъ о пропускѣ меня далѣе вверхъ по Пянджу, но тотъ вмѣсто отвѣта выставилъ наблюдательный отрядъ на лѣвомъ берегу Пянджа. Пришлось сняться и уйти въ глубь Ванчской долины. Дороги на Памиры изъ Ванча и Язгулѣма нѣтъ. Я не могъ пройти и черезъ Рошанъ, потому что дорога вверхъ на р. Бартангу доступна только зимою, когда рѣка замерзаетъ. Пришлось уйти обратно въ Вахию черезъ трудный перевалъ Сытарги: 9 верстъ по леднику съ сѣверной стороны и 2 версты съ южной. Я направился черезъ Каратегинъ въ Алтынъ-Мазаръ, откуда черезъ нѣдлй рядъ переваловъ въ кочевья Сахибъ-Назара (извѣстнаго памирскаго разбойника), далѣе по Мургабу до Сереза и черезъ перевалъ Марджанай на Памиръ-Аличуръ. Дорога по Мургабу трудная — броды впасть. Отъ селенія Сереза до сегодняшняго дня въ теченіи 22-хъ дней я не встрѣтилъ ни одного аула, но бѣглецовъ изъ Шугнана попались на встрѣчу цѣлыя вереницы. Картины ужаснѣ этой я не видывалъ. Вся дорога по Мургабу (три дня) буквально устлана трупами павшихъ животныхъ и испещрена скѣжыми могилами. За невозможностью исполнить прямую свою задачу по изслѣдованію западныхъ окраинъ Памира, думаю обратиться на востокъ, на Дангынъ-башъ-Памиръ и далѣе по Раскентъ-даръ додѣлывать оставшееся незаконченнымъ въ предыдущую экспедицію. Морозы уже начались; менѣе—15°Ц. по ночамъ не бываетъ.

III. ЭКСПЕДИЦІЯ БРАТЬЕВЪ ГРУМЪ-ГРЖИМАЙЛО ВЪ ТЯНЬ-ШАНЬСКОЙ ОАЗИСЪ И НА ЛОБЪ-НОРЬ.

Экспедиція эта, снаряженная на средства, пожалованныя Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ, при содѣйствіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Военно-Топографическаго Отдѣла Главнаго Штаба, состоитъ подъ начальствомъ д.-чл. И. Р. Г. О., натуралиста, Григорія Ефимовича Грумъ-Гржимайло, помощникомъ которому служить братъ его поручикъ Михаилъ Ефимовичъ.

Послѣднія полученныя отъ этой экспедиціи вѣсти пришли изъ Урумчи на имя секретаря Императорскаго Русскаго Географическаго Общества А. В. Григорьева и помѣчены 20-мъ іюля 1889 года.

Вотъ это письмо.

„Пользуюсь сегодня однодневной остановкой для того, чтобы сообщить вамъ нѣсколько словъ какъ о ходѣ экспедиціи, такъ и о важнѣйшихъ результатахъ ею достигнутыхъ, отлагая болѣе подробный отчетъ до зимы, которую я думаю провести частью въ Хами, частью въ его окрестностяхъ, отдавая переходъ черезъ Гоби до февраля.

Мы снаряжались въ Джаркентъ, откуда выступили 26 мая. Большой дорогой прибыли въ Кульджу, гдѣ были очень радушно приняты консуломъ, Викторомъ Матвѣевичемъ Успенскимъ. Изъ Кульджи на перевалъ Ачала выступили 3 іюля. Въ окончательномъ видѣ нашъ караванъ заключалъ 13 человекъ, не считая проводниковъ, и 40 лошадей.

Съ перевала Ачала мы вышли къ Джинъ-хѣ. Это маленькій и чистенькій городокъ, населенный частью Таранчинцами, частью китайцами. Изъ Джинъ-хѣ мы направились въ горы и горами прошли до рѣки Хутукъ-бай; отсюда пришлось спуститься внизъ и выйти на Императорскую дорогу. По этой дорогѣ мы и прошли въ Урумчи.

Говорить здѣсь подробно объ этомъ маршрутѣ излишне. Лучшія карты Тянь-шани, на всемъ протяженіи пройденнаго нами пути, изображаютъ сѣверные его склоны совершенно невѣрно. Перевала Кіятна не существуетъ, перевалъ Менгэтэ ведетъ изъ бассейна Капа въ бассейнъ Хусты, откуда дорога поворачиваетъ не на сѣверъ, а на юго-востокъ, соединяется съ дорогой, ведущей изъ Уланъ-усу (зимній перевалъ), переходитъ на перевалъ Кельдына, а за-

тѣмъ и на Юлдусъ или Зулдусъ. Къ сѣверу отъ этой дороги подымается грандіозный, нами открытый горный узелъ Дѡсъ-Мѣгенъ-ора, т. е. самая высокая изъ всѣхъ горъ, находящихся въ Калпидской землѣ. Съ вѣтвей, отходящихъ отъ Дѡсъ-Мѣгенъ-ора, стекають рѣки—Хоргосъ, Уланъ-усу (Гиньджа-хѡ), Хуста (громадная рѣка, въ среднемъ теченіи получила названіе—Манасъ), Шиньджа-хѡ, Юлдусъ, Кашъ и др. болѣе мелкія.

Видъ на систему пиковъ Дѡсъ-Мѣгенъ-ора съ одной изъ вершинъ Манасскихъ горъ великолѣпенъ. Пиковъ шесть. Ни съ Каша, ни съ Юлдусовъ Дѡсъ-Мѣгенъ-ора не виденъ, его закрываютъ горы Бельдинъ. Высота Дѡсъ-Мѣгенъ-ора, можетъ быть, больше высоты Богдо-ола и должна переходить за 20 т. Масса снѣга изумительная; ледники же незначительны, благодаря крутизнамъ какъ Дѡсъ-Мѣгенъ-ора, такъ и его отроговъ. Вообще полунструментальныя съемки моего брата и карточка, основанная на разспросныхъ данныхъ, представляютъ значительный картографическій интересъ. Наша попытка идти зимнимъ переваломъ Уланъ-усу безъ проводниковъ не увѣнчалась успѣхомъ.

На протяженіи Ачала—Урумчи, Тянь-Шань представляетъ недоступную стѣну, увѣнчанную почти непрерывнымъ снѣгомъ. Заложеніе сѣверныхъ его склоновъ, ничтожное на меридіанахъ Джинь-Хѡ—Шихѡ, увеличивается нѣсколько къ востоку и наибольшей величины достигаетъ на меридіанѣ Манаса, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ развертывается горная страна Дѡсъ-Мѣгенъ.

Если въ нѣкоторыхъ пунктахъ горный рельефъ нашими съемками и не выясняется, то вина тутъ не наша. Въ виду того, что высшіе китайскіе сановники насъ рѣшительно игнорируютъ—мелкая китайская сошка строитъ намъ безконечныя гадости. Мы то имѣемъ проводниковъ, то ихъ не имѣемъ. Идемъ развѣдками, что крайне утомляетъ нашъ отрядъ и въ такихъ горныхъ трущобахъ, какъ Тянь-Шань, очень трудно достигается.

Тѣмъ не менѣе мы имѣемъ положительныя результаты. Мы собрали свѣдѣнія о минеральныхъ богатствахъ Тянь-Шаня. Посѣтили каменноугольныя копи въ нѣсколькихъ пунктахъ, посѣтили ущелья, переполненныя дымящимися отдушниками. Почва всюду накалена, изъ трещинъ валитъ паръ или дымъ съ характернымъ каменноугольнымъ запахомъ. Всюду навишь и кристаллы сѣры. Отсюда взяты коллекціи каменнаго угля и окрестныхъ горныхъ породъ. Почти всѣ рѣки Тянь-Шаня несутъ золото. Золото добывается изъ древнихъ рѣчныхъ отложеній, но не ищется въ ровныхъ

или въ кварцевыхъ жилахъ. Собраны значительныя коллекціи позвоночныхъ и насѣкомыхъ. Тянь-Шань необыкновенно богатъ крупными позвоночными животными, но значительно бѣдѣе Памира по отношенію къ міру пернатыхъ и насѣкомыхъ. Причина—отсутствіе контрастовъ и замѣчательное однообразіе флоры. Последнее обуславливается обширностью зоны еловыхъ лѣсовъ, которые изъ подъ снѣга спускаются до высоты 3—4000 ф.

Тянь-Шань между Талки и Уланъ-усу населенъ торгоутами — калмыками; административный ихъ центръ—Карашаръ, гдѣ проживаетъ и ихъ великій ханъ или князь. Объ ихъ производствахъ, объ административномъ ихъ дѣленіи, объ отношеніяхъ къ нимъ китайцевъ и наоборотъ собраны свѣдѣнія, которыя будутъ изложены въ предварительномъ отчетѣ.

Астрономическихъ пунктовъ пока опредѣлено 8, фотографическихъ снимковъ до 40.

IV. ЭКСПЕДИЦІЯ ЧЛЕНА-СОТРУДНИКА І. МАРТЭНА ВЪ ГАНЬСУ.

Г. Мартэнъ—отправившійся весною на частныя средства въ Китай, въ Ганьсу, выступилъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, изъ Пекина въ Лань-чжоу. Россійскій посланникъ въ Пекинѣ, г. Кумани, которому Совѣтъ И. Р. Г. О. горячо рекомендовалъ г. Мартэна, принявъ въ путешественникѣ самое живое участіе и далъ ему изъ собственнаго конвоя одного казака для сопровожденія во время поѣздки. Снабженный необходимыми инструментами для производства географическихъ изслѣдованій, хорошо владѣя съемкой и подготовленный къ опредѣленію географическихъ координатъ, благодаря любезности чл.-сотр. И. Р. Г. О. А. И. Свасси, превосходный коллекторъ и опытный путешественникъ ¹⁾ г. Мартэнъ, безъ сомнѣнія, не мало поспособствуетъ расширенію свѣдѣній о Ганьсу, вглубь которой онъ пойдетъ изъ Лань-чжоу.

¹⁾ Г. Мартэнъ извѣстенъ своимъ путешествіемъ поперекъ Станового хребта, отъ Лени на Амуръ, совершеннымъ въ 1888—84 гг. Маршрутная съемка пройденнаго имъ пространства издана Военно-Топографическимъ Отдѣломъ Главнаго Штаба въ масштабѣ 50 верстъ въ дюймѣ.